

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАЧЬЕЙ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ

Материалы круглого стола
г. Ростов-на-Дону, 22 октября 2021 г.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАЧЬЕЙ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ

Материалы круглого стола

г. Ростов-на-Дону, 22 октября 2021 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2023

УДК 94(470.6)
ББК 63.3
П27

*Работа выполнена в рамках ГЗ № 00-21-15,
темы НИР ГЗ ЮНЦ РАН АААА-А20-120122990111-9*

При финансовой поддержке Фонда
имени священника Ильи Попова

Рецензенты:

д-р ист. наук С.И. Лукьяшко
(г.н.с., зав. лабораторией археологии ЮНЦ РАН),
д-р ист. наук М.А. Пономарева
(доцент, директор ИИМО ЮФУ)

П27 **Перспективы изучения казачьей истории в условиях
новых вызовов времени: материалы круглого стола**
(г. Ростов-на-Дону, 22 октября 2021 г.) / [отв. ред. д-р ист. наук
А.В. Венков]. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. —
128 с. — ISBN 978-5-4358-0248-1.

Круглый стол «Перспективы изучения казачьей истории в условиях новых вызовов времени» проходил с привлечением руководителей научных школ по изучению казачества из Волгоградской области, Краснодарского края, Ставропольского края, республик Северного Кавказа. Круглый стол по этой теме был рекомендован Министерством науки и образования. Материалы круглого стола содержат мнения ведущих казаковедов Юга России о современном состоянии исследований по истории, культуре и современному положению казачества и перспективах этих исследований.

УДК 94(470.6)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4358-0248-1

© ЮНЦ РАН, 2023
© Фонд им. священника
Ильи Попова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Венков А.В.

Вызовы времени и перспективы
изучения казачества 4

Тюменцев И.О.

Казачьи городки XVI — начала XVIII столетий:
перспективы изучения..... 7

Мининков Н.А.

Некоторые проблемы экономической
истории казачества 32

Варивода Н.В., Кузьминов П.А.

«Теория колонизации» и проблема
освоения Предкавказья в XVIII в. 39

Колесников В.А.

О процессах модернизации
в линейных станицах Кубани..... 60

Матвеев О.В.

Научные школы и направления
в изучении истории и культуры кубанского
казачества в Краснодарском крае (2000-е гг.)..... 71

Скорик А.П.

Пространственно-временное и социально-
этническое измерение казачества Юга России
в 1920–1930-е гг. (критерии, факты, оценки)..... 91

Баранов А.В.

Казачество Юга России
в системе земельных отношений 1920-х гг.:
традиции и новации исследований..... 113

А.В. Венков¹

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

После проведения 22 октября 2021 г. круглого стола «Перспективы изучения казачьей истории в условиях новых вызовов времени», когда готовился этот сборник материалов, в стране и в ее внешней политике произошли важнейшие изменения. В настоящее время единая в культурном отношении территория между Доном и Днепром оказалась в составе двух государств, одно из которых усилиями коллективного Запада превращено в «Антироссию» и является угрозой существованию самой России. И Россия отреагировала, начав военную операцию по денацификации и демилитаризации территории указанной «Антироссии». Соответственно, резко возросла научная актуальность исследований ряда историко-культурных процессов в указанном регионе между Доном и Днепром, происходивших на протяжении тысячелетий, возросла необходимость исследовать и вычленять в них общее и особенное, исходя из изменений общей исторической среды, научно-технического прогресса и антропологических особенностей сменяющих друг друга на этой территории народов, с целью поиска путей отсева наносного, неонацистского элемента в менталитете части населения Левобережья Днепра.

Мы знаем, что особую роль в указанных процессах играло российское казачество, создавшее уникальную культурную модель, построенную на основе синтеза различных культур и традиций (русской, тюркской, северокавказской, украин-

¹ **Венков Андрей Вадимович** — д-р ист. наук, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

ской и др.). Опыт освоения казаками этой территории, опыт взаимоотношений между казачьими войсками — Доном и Запорожьем — в те непростые времена может быть очень полезен в практическом смысле.

В новых условиях необходимо по-новому взглянуть на проблемы современного казачества. Актуализировалось изучение процессов массового добровольного «показачивания» патриотической молодежи в связи с изменением международной обстановки и усилением антироссийской активности на Западе. В свое время д.и.н. И.О. Тюменцев озвучил идею постоянных процессов «показачивания» и «расказачивания» в России. В кризисных ситуациях население прибегало к таким формам самоорганизации, как казачество. Государство поддерживало эти процессы, а иногда само их инициировало. После завершения кризиса новые казачьи формирования либо оставались на службе, но меняли свой статус, либо распускались (иногда — насильственно). Так было в период Смутного времени, так было при выходе России к берегам Черного моря и освоении новых присоединенных территорий, так было при организации стабильной границы на Дальнем Востоке, элементы подобной политики мы видим в 1936 году. И сейчас мы наблюдаем очень интересный процесс, имеющий аналогии в прошлом.

В политических процессах в России начиная с XVIII в. определенную роль играл вопрос о происхождении казачества, и в настоящее время этому вопросу зачастую стараются придать политическую окраску. Отсюда насущная необходимость для научного сообщества — сосредоточить усилия на четком, ясном и обоснованном разрешении этого вопроса. И здесь открываются интересные перспективы при начавшихся исследованиях на севере Ростовской области. Там и на территории Воронежской области так называемые черные копатели ведут систематическое разграбление мест, где раньше находились

первые казачьи городки. При содействии местных казачьих структур Южный научный центр Российской академии наук начал разведку на этой территории, чтобы зафиксировать расположение данных городков и начать их систематическое исследование. Естественно, необходима тщательная работа с имеющимися письменными источниками по проблеме и поиск новых источников.

Все большее значение в нынешнее беспокойное время получает популяризация научных знаний и их практическое использование, в том числе и при патриотическом воспитании молодежи. С этой точки зрения необходимы дальнейшее изучение и популяризация военной истории казачества. Казачество прошло тернистый путь от полукриминальных структур до лучших войск Российской империи. Казаки стали брендом России за рубежом в XVIII–XIX вв. Их военная структура, ее организация, система ведения военных действий, принципы военного воспитания подрастающего поколения — вот что надо изучать и пропагандировать среди молодежи.

В целом же современная политическая ситуация, современное положение России в мире актуализируют проблемы изучения казачества и ставят вопрос об их популяризации и практическом применении.

КАЗАЧЬИ ГОРОДКИ XVI – НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Первые казачьи городки. Во второй четверти XVI в., после присоединения к Москве Рязанского княжества, ручейки беглых из России в казачьи станицы на пограничье, по всей видимости, превратились в поток. Ситуация на реках Дикого поля стала меняться на глазах. В 1538 г. воеводы констатировали стремление казаков из разных пограничных сообществ вести вольную жизнь в Диком поле: «*На Поле ходят* (здесь и далее выделено нами. — И.Т.) *казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а иных наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят...*» [1]. Не прошло и десяти лет, как путивльский воевода кн. Троекуров в донесении великому князю московскому нарисовал уже несколько иную картину: «*Ныне, Государь, казаков на Поле много; и черкасцев, и кыян и твоих государевых, вышли, Государь, на Поле изо всех украин...*» [2]. Если до 20-х гг. XVI в. они, как отметил Н.А. Мининков, готовы были разграничить сферы влияния между Россией и Турцией на Дону по Хопру или Медведице, то в 30–40 гг. XVI в. эти предложения были навсегда забыты [3].

В 1548 г. вольные казаки, почувствовав силу, попытались закрепиться на постоянное жительство на Дону и Волге. Атаман Сары-Азман объединил значительную часть вольных казачьих станиц и построил 3 или 4 городка в низовьях Дона [4]. Казаки-севрюки во главе с атаманом М. Черкашенином и туляни-

¹ **Тюменцев Игорь Олегович** — д-р ист. наук, профессор, заведующий лабораторией регионального развития Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, главный научный сотрудник Комитета по охране памятников историко-культурного наследия Волгоградской области (г. Волгоград).

ном И. Извольским поставили «острогу» на Великом Перевозе на Переволоке [5]. Возможно, это был один из упомянутых в Никоновской летописи в 1566 г. казачьих городков на Переволоке, носивший название Пять Изб или Зимьево [6]. В 1569 г. крымцы разгромили один из таких городков, в котором сидели атаман Иван Мотякин и 40 казаков [7]. В 1564 г., разрывая только что подписанный мирный договор, крымцы заявили, что Московский государь якобы *«города ставит по Дону»* [8]. Поскольку русское правительство в тот момент никаких крепостей на Дону не возводило, то речь в данном случае, видимо, шла о казачьих городках.

В 1569 г. турки и крымцы, двигаясь в поход на Астрахань, были сильно удивлены, что не встретили ни одного казака [9]. Казаки явно прибегли к своей обычной тактике и уклонились от встречи с превосходящими силами врага. Они, по данным польского посла Тарновского, атаковали янычар и крымцев, когда те в беспорядке возвращались из-под Астрахани в двух милях от Азова [10]. Постепенно донские и донецкие казачьи городки опоясали с юга, запада и востока значительную территорию Поля, что позволило установить контроль над этими территориями. Неслучайно в это время ногаи во время переговоров с царским посланником прибегли к дипломатической уловке. В надежде на то, что царь в сложившейся ситуации не решится обострять отношения с турками и примет меры против казаков, ногаи заявили, что якобы султан жаловался ногайским послам, что царь Иван чинит ему великую обиду, при этом дипломатично всю ответственность за возникший конфликт возложили на казаков: ***«Поле де всё, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял... поотымал всю волю в Азове: казаки его с Азова оброк емлют и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому ж обиды чинят великие, какую де соромоту казаки крымскому царю учинили пришед, перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли...»*** [11].

Источники не оставляют сомнений, что в середине XVI в. вольным казакам удалось закрепиться на Дону и Волге.

В 1584 г. русский посол Б. Благой уже сообщал царю только о русских казаках: «*На Дону близко Азова живут казаки – все беглые люди: иные казаки тут и постарились живучи*» [12]. То было первое поколение вольных казаков на Дону.

В 1584 г. в своей грамоте на Дон царь уже обращался не просто к казакам, а к «*атаманом и казакам старым и новым*» [13]. Царь просил казаков проводить своего посла Б. Благого «*меж себя городок от городка*» [14].

Первое поколение *донских и волжских (старых)* казаков, как видно из приведенных строк, явно пополнилось многочисленными новыми казаками из разоренной Ливонской войной и опричниной России. В ходе кровопролитных войн 60–80 х гг. XVI в. с ногами и крымцами при минимальной поддержке царских войск не только помогло России удерживать Поволжье, но и отвоевало Подонье у степняков [15]. Исследователям удалось отыскать три перечня донских казачьих городков, которые с большой степенью вероятности датируются рубежом XVI–XVII вв.

Казачьи городки конца XVI ст. Опираясь на перечни казачьих городков, Н.А. Мининков пришел к заключению, что общая их численность к концу XVI в. достигла 30–34 [16]. В.Н. Королев установил, что на Дону в то время было 38 городков (из них 25 верховых). Причем появились 4 городка на Хопре и 3 на Медведице! В это число не вошли городки по Северскому Донцу, по которым нет сведений [17]. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что казачьих городков в конце XVI в. в действительности было 40, а верхнедонских – 18. По данным весьма компетентного в российских делах иноземца капитана Жака Маржарета, общее количество «настоящих», т. е. вольных казаков по Волге, Дону и Днепру к началу XVII в. достигло 8–10 тыс. человек [18].

Таблица 1. Казачьи городки XVI – начала XVIII столетий

1538– 1567 гг. ¹	1593 ² – 1594 ³ гг.	1608 ⁴ г.	1614– 1618 ⁵ гг.	1695– 1698 ⁶ гг.
Верхний Дон				
		Гнилой		Донецкий
				Казанский (Казанец)
		Песковатка		Писковатский
	Мигулино	Мигулин	Мигулин	Мигулин
	Голицын			Тишанский
	Решетов	Решетов	Решетов	Решетов
Векши	Вещий	Вешки	Вешки	Вешки
	Хопер	Хопер	Хопер	Усть-Хоперский
Медведицкий	Медведица	Медведица	Медведица	Усть-Медведицкий
	Распопин	Распопин	Распопин	Распопин
	Клецкий	Клецкой	Клетский	Клетский
				Перекопский

¹ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 1. С. 266, 284; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1999. С. 78, 80.

² Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. (из сборника Собрания Московской духовной академии) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ОР ГБЛ). М., 1959. Вып. 21. С. 220–231.

³ Перечень казачьих городков из списка П.П. Сахарова. См.: Мининков Н.А. Указ. соч. С. 472.

⁴ Казачьи городки по картам Г. Геррейтса и И. Массы. См.: Мининков Н.А. Указ. соч. С. 472.

⁵ Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007.

⁶ Походный журнал 1695 года. СПб., 1853. С. 5–19; Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 1–9, 26–33; Гордон П. Дневник 1695 года // Памятники исторической мысли. М., 2014. С. 344–365, 412–417; Гордон П. Дневник 1696–1698 гг. // Памятники исторической мысли. М., 2018. С. 24–29; Попов В.С. Материалы по истории Войска Донского // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12. С. 186–201; Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие его и Лютика города и торжественное отгуды с победоносным воинством возвращение в Москву... / Издал В. Рубан. СПб., 1773. С. 78–84.

1538– 1567 гг.	1593– 1594 гг.	1608 г.	1614– 1618 гг.	1695– 1698 гг.
	Кремянной	Кремьяные	Кременные	Кременные
				Григорьевский
				Новогригорьевский (Сиротин-Новый)
	Сиротин	Сиротин	Сиротин	Сиротин (Сироткин)
	Стрелчей	Стрельной	Стрельчие	Стрельчей
	<i>Иловля</i> ¹		Иловля (Больше- лукский)	Иловля
				Качалин
	Паншина	Паншин	Паншин	Паншин
	Голубые	Голубые	Голубые	Голубые
Пять изб	Пять Изб	Пять Изб	Пять-Изб	Пятиизбы
	Чир		Чир	Чир-Верхний
				Чир-Нижний
				Кобылкин (Кобыляк)
	Ясаулово	Есаулово	Ясаулов	Ясаулов
Зимьево				Зимовейко (Зимовейкин)
				Нагай (Нагайкин, Нагавкин)
	Курман Яр	Курман Яр	Курман-Яр	Курман-Яр
		Без названия		
	Другой Кур- манов Яр	Курман Яр		Курман-Яр Нижний
Всего: 4	Всего: 19	Всего: 20	Всего: 18	Всего: 30
Нижний Дон				
				Нагавкин (Гутнин)
	Терновые	Терновые	Терновые	Терновые

Тюменцев И. О. Казачьи городки XVI – начала XVIII столетий: перспективы изучения

¹ Городки, выделенные курсивом, упоминаются только в Перечне казачьих городков из списка П.П. Сахарова. С. 472.

1538–1567 гг.	1593–1594 гг.	1608 г.	1614–1618 гг.	1695–1698 гг.
		Цымла	Усть-Цымлой	Цымла
	Кушман (Кумшак)	Крымчак (Кумшак)	Кумшак	Кумшак (Кусман, Камшай)
				Романовский
	Каргалы (Верхние) ¹	Верхние (Каргалы)		Каргалас (Каргала, Каргалы-Верхний)
				Камышенок
				Быстрец (Быстрянский)
	Другие Каргалы	Каргалы		Каргалас (Нижней-Каргалы)
		Михалев		Верхний Михалев
		Нижний Михалев		Нижний Михалев
				Троилин (Вал)
	Гогольник (Когольник)	Кагальник	Кагальник	Кагальник
				Ведерников
	Раздоры Верхние			
	Бабы	Бабей	Бабской	Бабей
				Золотой
				Кочетов
	Семикоры	Семикаракор	Семь-Каркор	Каракор, Семикаракорск
	Раздоры Нижние	Раздоры	Раздоры	Раздоры
				Мелехов
	Бесергенов	Бесергенов	Бессергень	Бесергенов
			Бодок	Багай (Багаев)
	Маночь	Маныч	Маныч	Маныч (Бечегай)

¹ В списке казачьих городков П.П. Сахарова оба Каргалы ошибочно помещены сразу Другим Курман Яром перед Терновыми.

1538– 1567 гг.	1593– 1594 гг.	1608 г.	1614– 1618 гг.	1695– 1698 гг.
	Черкасской	Черкасской	Черкасск	Черкасской
	Монастыр- ский Яр (Нижней)		Монастыр- ский	
	Стыдное имя (Самый Нижней)	Атаманский		
Итого: 0	Итого: 17	Итого: 14	Итого: 12	Итого: 24
Медведица				
			Бурлуцкий	Бурлуцкий
				Неврюевский
				Черногай
			Березов- ский	Березовский
				Малодели
				Заполянский
				Арлов
			Раздоры	Раздоров
				Етерев
			Кобыльев	Кобыльев
			Арчадин- ский	Арчада
				Кепной
	<i>Без имени</i>		Скурихи	Скурихи
	<i>Без имени</i>			Глазуновский
	<i>Без имени</i>		Астравской	Астровский
	Медведица	Медведица	Медведиц- кий	Усть-Медведецкий
Итого: 0	Итого: 3	Итого: 0	Итого: 7	Итого: 15
Хопер				
				Пристанский

1538– 1567 гг.	1593– 1594 гг.	1608 г.	1614– 1618 гг.	1695– 1698 гг.
				Беляев
				Григорьевский
				Михайлов
			Касарки Хоп.	Касарги (Касарки)
				Добренкова
				Одини (Одиня)
				Котова
			Урюпин Хоп.	Урюпин
				Левыкина
				Бесплемянный
				Тепикин
				Луковкин
				Проваторов
				Бурацков
			Тишины Хоп.	Тишины
				Акишев
				Аржевский (Серебрянский)
				Зотова
				Федосеева
	<i>Без имени</i>			Слащева
	<i>Без имени</i>			Кумылга
	<i>Без имени</i>			Остроухов
	<i>Без имени</i>			Буканов
	Усть-Хопер	Усть-Хопер	Усть-Хопер	Усть-Хопер
Итого: 0	Итого: 4	Итого: 0	Итого: 3	Итого: 24¹

¹ Гордон П. подтверждает эту цифру, прибавляя к 24 городкам на Бузулуке Усть-Бузулук.

1538– 1567 гг.	1593– 1594 гг.	1608 г.	1614– 1618 гг.	1695– 1698 гг.
Бузулук				
			Казарин Буз	Казарин
				Островской
			Кардаил Буз	Кардаил
				Висоцкий
				Мельсипина
				Дарьинский
				Филоновский
			Березов- ский	Березовский
				Черновской
				Ярыгин
			Дурной Буз	Дурной
				Мартинов
				Карповский
				Ямной
				Осинов
				Алексеевский
			Усть-Бузу- лук Хоп.	Усть-Бузулук Хоп.
			Итого: 4	Итого: 16¹
Северский Донец				
Мотякинский			Кундрючий	Кундрючий
			Усть- Быстрян- ский	Усть- Быстрян- ский
			Кулишик	Кулишик
				Кривой Рог
			Гундоров	Гундоров

¹ Гордон П. считает, что на Бузулуке было 30 городков.

1538– 1567 гг.	1593– 1594 гг.	1608 г.	1614– 1618 гг.	1695– 1698 гг.
			Митякин	Митякин
			Луганский	Луганский
			Теплинский	Теплинский
			Айдаров- ский	Айдаровский
			Трехизбян- ский	Трех Избенский
			Боровской	Боровской
			Краснен- ский	Красненский
			Сухарева	Сухаревский
			Маяк	Маяк
			Глубокий	
			Лихой	
Итого: 0	Итого: 0	Итого: 0	Итого: 15	Итого: 14
Всего: 4	Всего: 42 (25)¹	Всего: 34 (20)	Всего: 59 (32)	Всего: 123 (85)
	Всего упоминаются: 46 (22)			

Р.Г. Скрынников, опираясь на данные 1614 г., полагал, что капитан мушкетеров имел в виду все ориентированное на Москву вольное казачество (волжское, донское, терское, яицкое и даже запорожцев). По его мнению, собственно донских казаков было всего 2–4 тыс. человек [19]. Н.А. Мининков пришел к заключению, что Р.Г. Скрынников не учел, что многие донские казаки в то время находились в России в полках И.М. Заруцкого и И.И. Баловнева, и поэтому сильно приуменьшил общее число донских казаков. В действительности их, по мнению исследователя, было 5–6 тыс. [20]. С этим трудно согласиться. Наше

¹ Первая цифра означает, сколько было всего донских казачьих городков, вторая — верховых.

исследование показало, что в Смуте активную роль играли показавшиеся служилые люди России, а не коренные вольные казаки с Дона [21]. К тому же Н.А. Мининков не учел расчетов В.Н. Королева, выполненных по данным Росписи донских казачьих городков 1593 г. Донской историк пришел к выводу, что вольных казаков на Дону было «несколько больше 2 тыс. человек» [22]. Совпадение данных о численности донских казаков 1593 и 1614 гг. вряд ли было случайным, поэтому цифра около 2 тыс. казаков выглядит более убедительной. В конце XVI в. началось формирование Войска Донского.

Смутное время и Донское казачество. В начале XVII в. Россия пережила первую в своей истории Смуту — четырнадцать лет лихолетья братоубийственной войны. Авторы поздних повестей, сказаний, летописей и хронографов нарисовали яркую картину казачьего разгула в Смутное время и создали у историков впечатление о широком участии вольного донского казачества в повстанческом движении на всех его этапах и считали казаков «разрушителями государственного порядка», «противообщественной силой», «перевернувшей Россию вверх дном» [23]. Историки казачества, переосмысляя сочинения столичных исследователей, считали казаков жертвой обмана. Лишь А.И. Ригельман обратил внимание, что вольные донцы были только у Лжедмитрия I, затем бунтовали только служилые казаки. Авторы двух специальных работ вообще доказывали, что донские казаки как служилое сословие участия в Смуте не принимали и спасли страну в 1613 г., добившись избрания М.Ф. Романова [24]. Советские историки до 80-х гг. XX в. рассматривали вольное казачество как главную организующую силу Крестьянских войн XVII–XVIII вв. [25]. Затем Руслан Григорьевич Скрытников, Александр Лазаревич Станиславский, Честер Даннинг пришли к заключению, что в России начала XVII в. была гражданская, а не крестьянская война. Главным источником фор-

мирования казачества были разоряющиеся служилые люди и боевые холопы, а отнюдь не крестьяне [26]. А.Л. Станиславский установил, что в Смуту вольное казачество образовалось на территории России из-за показачивания служилого и земского населения страны. Вольное донское казачество принимало участие только в походе Лжедмитрия II в Россию [27]. Проведенный нами анализ дальнейшего участия вольного казачества в событиях Смутного времени в России в 1610–1619 гг. свидетельствует, что участие вольных казаков с Дона, Днепра, Волги, Терека и Яика в событиях Русской смуты, вопреки сложившимся в литературе представлениям, было эпизодическим и главным образом на ранних этапах Смуты. Российское казацье войско сыграло исключительно важную роль в деле спасения страны от захвата ее иноземцами, избрании царя Михаила Романова и восстановлении государственного порядка, но это было не Донское или какое бы то ни было другое старое вольное казацье войско. Это было вольное казацье войско, образовавшееся на основной территории страны благодаря показачившемуся населению Центральной России. В 1614–1618 гг. оно распалось на три вольных казацких войска: Вязниковское, Заугорское и «Донское» войско королевича Владислава, которые к окончанию Смуты распались, а входившие в них казацьи станицы частично ушли на Дон, Терек и Яик, пополнив тамошние вольные казацьи войска и превратив их во внушительную военную силу [28].

Расцвет вольного Донского Войска. Несмотря на то что Войско официально в Смуте не участвовало, а к повстанческому движению примкнули лишь отдельные казацьи станицы, ряды донских казаков к 1614 г. сильно поредели, выше по Дону осталось только 17 атаманов в верхних дальних юртах. Однако происшедший после Смуты самый массовый исход русских людей в вольные казаки окончательно решил в поль-

зу казаков их противостояние с ногайцами и крымцами на Дону. В 20–40-е годы XVI в. процесс образования Войска Донского в основном завершился, и оно вступило в пору своего расцвета. К тому времени довольно четко обозначились два основных центра расселения донского казачества: одни казаки избрали местом обитания Средний Дон, в районе Клетского, Медведицкого, Вёшенского городков, рек Медведица, Бузулук, Хопёр, а другие — Нижний Дон в районе Черкаска, Маньча, Раздор. Первые казаки стали называться верховыми, а вторые — низовыми. Кроме того, незначительная часть казаков селилась на Северном Донце в районе Митякина городка [29].

Определить численность донских казаков в первой половине XVII в. можно лишь приблизительно, т. к. вплоть до начала XVIII в. они отвергали все попытки правительства составить на них служилые списки. Известно, что в 1613 г. только при семи атаманах на Дону проживало 1888 служилых казаков [30], в 1625 г. их число достигло 5 тыс., а к 1641 г. — 9 тыс. Значительную часть составляли беглые, учесть которых практически невозможно, т. к. казаки охотно укрывали бежавших к ним служилых и посадских людей, холопов, дворовых и крестьян. Более того, они широко практиковали и нелегальный провоз на Дон «государевых людей» [31]. Порой даже сами казаки иногда затруднялись при дележе жалования отделить казаков от неслужилых поселенцев [32]. Нередко донские казаки включали их в состав зимовых станиц для получения дополнительного жалования. К примеру, в 1642 г. в составе станицы атамана Л. Максимова было 52 выкупленных полоняника [33].

Первый этап Боспорской войны. Массовый наплыв на Дон в первой половине XVII в. беглецов, лишенных источников к существованию, привел к перенаселению старых казачьих городков и юртов, породил серьезные затруднения в

обеспечении станиц продовольствием. Казаки попытались решить свои проблемы традиционным путем — военными набегами. Восстановленные после Смуты Саратов, Царицын и новопостроенный Черный Яр мешали донцам «казаковать» на Волге и Каспийском море. Пойти на открытую конфронтацию с Россией они не хотели, т. к. разрыв экономических и политических связей Дона с Россией неминуемо оставил бы казаков один на один с врагами. Именно поэтому в 1627 г. Войсковой Круг приговорил на Волгу «воровским» делом не ходить и заслушивание грозил смертью. Главным объектом нападений вольные казаки избрали татарские и турецкие поселения по берегам Азовского и Черного морей. В легких челнах — «чайках» — казаки легко преодолевали большие пространства и неожиданно обрушивались на врага. Посольские документы 20–30-х гг. XVII в. пестрят жалобами турок и крымцев на дерзкие набеги донских и запорожских казаков. Они разграбили Трапезунд, Синоп, окрестности Константинополя. В это время донские станицы пополнились большим числом русских невольников, освобожденных или бежавших из турецкого или татарского плена [34].

Азовское сидение донских казаков. Серьезным препятствием для казацких набегов являлась турецкая крепость Азов, запиравшая выход из Дона в Азовское море. В 1637 г. донские казаки предприняли дерзкий штурм и овладели крепостью. Турки и крымцы прекрасно понимали, чем это для них грозит, и бросили против казаков превосходящие силы. Началось знаменитое Азовское осадное сидение, продолжавшееся до 1642 г. Донцы проявили чудеса героизма, но силы были слишком не равны. Неоднократно атаманы посылали в Москву посольства, умоляя царя Михаила Фёдоровича взять Азов под свою руку. Достигнутые донцами результаты наглядно демонстрировали, насколько важно для России обладание Азовом. Из этой крепости лежал прямой путь в Крым

и на Кубань, который судовая рать могла преодолеть в считанные дни. Это делало крымские и кубанские улусы фактически беззащитными. По этой причине татарские набеги на Русь прекратились бы как по мановению руки. Но царь и его окружение боялись, что открытая поддержка казаков приведет к войне с могущественной Турцией и ее вассалом Крымским ханом, которую Россия, не оправившаяся после Смуты, не сможет выдержать. Власти ограничились лишь помощью донцам деньгами, продовольствием и снаряжением. Для решения вопроса об Азове был созван Земский собор, на котором преобладали дворяне. Они наотрез отказались помогать казакам, видя в них только своих беглых холопов, дворовых и крестьян, и потребовали у царя окончательного закрепощения крестьян и предоставления сословных льгот. Собор показал, что страна находится на грани новой гражданской войны, и московское руководство на отчаянную просьбу казаков помочь ответило решительным отказом. Обескровленные многолетней осадой казаки оставили Азов [35].

Сословный эгоизм русских дворян и нерешительность московского руководства дорого стоили как Войску Донскому, так и России. В середине 40-х годов XVII в. крымские и кубанские татары и турки огнем и мечом прошли по Подонью, уничтожили многие городки и перебили казаков. Затем наступила очередь южных уездов России. Новому царю Алексею Михайловичу пришлось мобилизовать значительные силы и ресурсы, чтобы остановить вторжение степняков. Перед лицом смертельного врага донцы смогли найти себе нового союзника. По приглашению донцов и с благословения русского правительства Калмыцкая Орда переправилась из Заволжья в степи между низовьями Волги и Дона и помогла отбить вторжение кубанских и крымских татар.

Последствия войны были ужасными. Многие казачьи городки превратились в пепел, а их жители были убиты или

обращены в рабство. Земли Войска Донского обезлюдели, но ненадолго. Многолетняя война до предела обострила социальные противоречия в России. В 1648–1650 гг. по стране прокатилась волна городских восстаний. Алексей Михайлович и его окружение попытались выйти из кризиса, пойдя на уступки дворянству. В 1649 г. Соборным уложением в России было юридически оформлено крепостное право. Большая часть населения страны — крестьяне — были лишены свободы и отныне почти полностью зависели от помещиков. Дворяне ликовали. Но ни они, ни московское руководство не подозревали, какими бедами обернется в дальнейшем для страны утверждение крепостничества. Предпринятая в 1653–1656 гг. попытка провести церковную реформу привела к церковному расколу, который уже в 60-е годы XVII в. приобрел характер широкого народного антиправительственного движения. Многолетние войны России с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) и Швецией (1656–1658 гг.) ввергли страну в глубокий хозяйственный и финансовый кризис, который вызвал новую волну беглецов на Дон. Потери, понесенные казаками в середине 40-х годов XVII в., были быстро восполнены.

Второй этап Боспорской войны. Массовый приток беглых из России позволил Войску Донскому довольно быстро оправиться от поражений. Получив пополнение, казаки активизировали свои морские экспедиции против турок, крымских и кубанских татар. Мощные Азовские укрепления не помогли. Казаки нашли возможность их обходить. Наиболее крупные и успешные походы, как установил В.Н. Королев, были проведены в 1651–1653, 1655, 1657, 1659 гг. Однако постепенно натиск донцов на турок и татар начал ослабевать. В 1648–1654 гг. они приняли активное участие в войне украинского народа против Речи Посполитой за освобождение. В 1654–1667 гг. помогали русским войскам в русско-польской войне за Украину, в 1656–1658 гг. — в русско-шведской войне за Балтику. Тем

временем турки в 1660–1661 гг. попытались перекрыть казакам обходные пути. Казачий Ерик был перекрыт дамбой. Наряду с Азовом выход в море закрывал построенный турками Донецкий городок. Донцы предприняли отчаянные попытки захватить Каланчинские башни и уничтожить Донецкий городок, но были отбиты. Все же в следующем 1662 г. им удалось прокопать Казачий Ерик и вырваться на морской простор. Они захватили Керчь и разграбили окрестности Трапезунда. Вскоре турки перекрыли и этот путь [36].

Казаки неоднократно просили Алексея Михайловича помочь им разрушить турецкие укрепления, но царь, занятый российскими проблемами, поначалу ограничивался отправкой жалования и незначительных воинских команд, а затем и вовсе приказал казакам прекратить «ссорить» его с турками, т. к. боялся, что ввергнутая в начале 60-х годов XVII в. в глубокий кризис страна не сможет противостоять опасному противнику. Рядовое казачество и недавно прибывшие из России беглецы — «голытьба» — были лишены возможности получить средства к существованию разбоями. Их недовольство властями начало быстро расти. Иную позицию заняла «старшина» и «лучшие» казаки. В отличие от прежних времен, среди прибывших на Дон в 50–60 гг. XVII в. преобладали крестьяне и посадские. Многие из них не имели боевого опыта и были вынуждены идти в услужение к старшине или «лучшим» казакам. Постепенно «лучшие» казаки стали проявлять желание обзавестись своим домом, хозяйством и их всё чаще стали называть «домовитыми» казаками [37]. Походы за зипунами им были ни к чему, и они готовы были пойти на сотрудничество с Москвой, чтобы получить возможность заняться новым для них делом и приумножить свои богатства.

Восстание Степана Разина. В накалившейся до предела обстановке на Дону широкое распространение получили проповеди раскольников, убеждавших казаков, что московские

светские и церковные власти служат антихристу. В 50–60 гг. XVII в. участились разбойничьи нападения небольших отрядов «воровских» казаков на Волге и Каспии. Казаки и гольтьба жадно слушали предания и рассказы о старых временах «доброго» царя Ивана, о лихих походах казаков на Волгу, Каспий, Яик, Азов, Черное море, о завоевании Сибири. Постепенно среди донцов зрела мысль вернуть эти старые добрые времена. Во главе нарождающегося повстанческого движения встали уроженцы Зимовейского городка братья Степан и Фрол Разины. Весной 1667 г. царские воеводы получили известие, что С.Т. Разин, укрепившись на донских островах между устьями рек Тишанки и Иловли, собирается в поход на турок. Но это была явная дезинформация. Накопив силы, атаман неожиданно для властей вышел на Волгу старыми казачьими волоками и отправился в поход за зипунами на Каспий, грабя по пути торговые караваны. Царские воеводы не были готовы к такому развитию событий и не смогли остановить разинцев. Не помогли и уговоры войскового атамана К. Яковлева. Поход оказался удачным. В 1669 г. разинцы, обманув астраханских воевод, вернулись на Дон с богатой добычей [38].

Триумф разинцев вызвал взрыв энтузиазма среди рядовых казаков и гольтьбы. На Войсковом круге в Черкасске С. Разин открыто призвал донцов идти в Москву разбираться с властями, продавшимися антихристу, лихими боярами, обижающими казаков и простой народ. В апреле 1670 г. разинцы захватили Царицын, а летом 1670 г. – Астрахань, затем повернули на Саратов и Самару, которые взяли без боя. Движение отряда казаков напоминало сход снежной лавины в горах. Очень скоро, пополнившись казаками, стрельцами, работными людьми, он превратился в настоящую повстанческую армию. Пламя гражданской войны грозило зажечь всю Россию. В стране была объявлена мобилизация дворянского

ополчения. Но неожиданно осенью 1670 г. под Симбирском С. Разин потерпел сокрушительное поражение и ушел на Дон. Он намеревался, собравшись с силами, продолжить борьбу, но был захвачен правительственным отрядом в Кагальницком городке вместе с братом Фролом и выдан московским властям. Братья были казнены 6 июня 1671 г. [39].

Подавление восстания Степана Разина открыло собой новую страницу в истории Войска Донского. В экономике Подонья начался переход от присваивающего хозяйства к производящему: от военного найма, разбоя, рыболовства и охоты к земледелию и скотоводству. Проводниками новой системы хозяйства выступили старшина и домовитые казаки, которые охотно принимали к себе и даже вывозили из России крестьян. Быстрое развитие земледелия и скотоводства стимулировало развитие ремесла и торговли на Дону. Войско Донское начало быстро втягиваться в общерусские хозяйственные связи. Начался процесс выделения отдельных станиц из городков. В считанные десятилетия Подонье превратилось в развитую в экономическом отношении область.

Новые жизненные реалии не всем пришлись по нраву. Они постоянно вызвали острый протест среди рядового казачества и голытьбы, мечтавших о старых добрых временах походов за зипунами. То там, то здесь вспыхивали острые конфликты между станичниками, иногда дело доходило до восстаний. Успехом среди донцов пользовались проповеди старообрядцев. Сопrotивление рядовых казаков и голытьбы вынуждали старшину и домовитых казаков искать поддержки у Москвы. Российское руководство ее неизменно оказывало, но использовало ситуацию в своих интересах. Оно твердо взяло курс на подчинение Войска Донского и превращение казаков в служилое сословие Русского государства. Сразу же после подавления восстания С. Разина казаков вынудили впервые принести присягу царю Алексею Михайловичу.

Войско Донское было лишено права самостоятельных внешних сношений. Вдоль границ Войска Донского и России были выставлены сторожи для поимки беглых. В марте 1681 г. «верховым» казакам запрещено было принимать помещичьих людей. Однако если в первых двух вопросах старшина заняла промосковскую позицию, то по вопросу о беглых стала на путь явного саботажа, т. к. нуждалась в рабочих руках для своего хозяйства. На Дон были направлены царские воеводы, чтобы строго следить за действиями казаков. В 80-х гг. XVII в. московским властям и казачьей старшине удалось справиться с расколом на Дону [40]. Набеги калмыков и кубанцев оказались разорительными, но не столь разрушительными, как после взятия Азова. Общее число городков в Войске Донском к исходу века достигло 112: нижнедонских 19, вернедонских — 81, донецких — 12 [41]. Кровопролитные русско-турецкие войны 1676–1681 гг., 1687–1689 гг. и 1695–1699 гг., а также социальные потрясения 1682, 1689 и 1699 гг. заставили московское руководство на время отложить свои усилия по включению Дона в структуру Русского государства.

Огосударствление Донского войска. Подлинной катастрофой для донцов явилось правление Петра Великого, когда Войско Донское подверглось огосударствлению и было инкорпорировано в состав России. Бесконечные войны стоили многих казачьих жизней и здоровья. По приказу молодого и энергичного царя Петра I специальные воинские команды во главе с князем Ю.В. Долгоруким начали сыск беглых на Дону. Действия правительственного отряда затронули интересы широких слоев казаков — как голутвенных, лишившихся воли, так и домовитых, которые теряли рабочие руки. На Дону вспыхнуло мощное восстание казаков под руководством атамана К. Булавина. Однако интересы «домовитых», рядовых и голутвенных казаков были различными. Правительству довольно быстро удалось внести раскол в ряды повстанцев.

К. Булавин был предательски убит перешедшими на сторону правительства «домовитыми» казаками, а его полковники либо разбиты, либо изгнаны с Дона. До 20-х гг. в XVIII в. последний «вольный» донской атаман Игнатий Некрасов будоражил лихими набегами Нижнее Поволжье и Дон, но ничего уже изменить не смог.

Ликвидация городков и создание станиц. По приказу царя все казачьи городки по Бузулуку и Медведице были уничтожены, а земли переданы в Тамбовскую губернию. Довершили разгром верхнедонских городков набеги кубанских татар, происшедшие после сдачи туркам Азова (особенно поход Бахты-герая, также известного как Дели-султан, в 1717 году) и уничтожения Таганрога (1711) [42]. Петербургские власти были вынуждены построить Царицынскую линию, чтобы защитить строительство Волго-Донского канала и двух крупных торговых городов: Дмитриевска (Камышин) и Безымянного у Иловли. Население разоренных городков стали свозить в новые поселения — станицы — и перемещать ближе к Царицынской линии [43].

Войско Донское в XVII в. несколько раз переживало взлеты и падения, поэтому число городков на Верхнем Дону росло медленно. В 1672 г. оно достигло 46, а к концу века — 87. В начале XVIII в. Войско Донское прочно вошло в структуру Российского государства в качестве автономного образования, а казачество, лишённое притока беглецов, быстро начало превращаться в служилое сословие. Эпоха вольного Дона завершилась, оставив о себе многочисленные легенды и предания в памяти русского народа.

Ушли в прошлое и казачьи городки, изучение которых, как видно из проведенного выше анализа историографии, до последнего времени проводилось исключительно по письменным источникам. Пришло время археологов, которые могут существенно продвинуть разработку данной темы и разре-

шить многие сомнения и вопросы. К сожалению, эта работа в зачаточном состоянии. В Волгограде Н.Б. Скворцову и его единомышленникам на энтузиазме удалось провести археологические исследования нескольких верхнедонских городков [44]. В Ростове-на-Дону сотрудникам археологической лаборатории во главе с С.И. Лукьяшко удалось провести интересные разведки верхнедонских городков. Подавляющее же большинство даже не разведано, не поставлено на учет и не внесено в Государственный реестр. В настоящее время это легкая добыча для черных археологов. Это проблема, на которую следует обратить внимание нашим властям и нашему казачеству. Исходя из этого, мы всячески поддерживаем и готовы помогать словом и делом инициативе Южного научного центра Российской академии наук в археологических исследованиях, паспортизации, использовании территорий бывших казачьих городков как памятников истории и культуры донского казачества. Комитет по охране памятников историко-культурного наследия Волгоградской области во главе с Александром Юрьевичем Баженовым также готов включиться в эту работу.

Примечания

1. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230–231.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 2. Л. 230; *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 3.
3. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья: до 1671 г. Ростов н/Д., 1998. С. 75–76.
4. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 125 об. Судьба атамана Сары-Азмана и его товарищей остается невыясненной, так как о них больше нет упоминаний в источниках.

5. Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив (ИА). 1951. № 7. С. 294.
6. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 13. С. 226.
7. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1951. С. 83.
8. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 39 об. — 40; Кн. 9. Л. 157–157 об.; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 19–22.
9. Садилов П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 155.
10. Мининков Н. А. Указ. соч. С. 490.
11. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 39 об. — 40; Кн. 9. Л. 157–157 об.; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 19–22.
12. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. № 117; Сухоруков В. Д. Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск, 1891. С. 3.
13. Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГТД). М., 1819. Ч. 2. С. 86.
14. СГТД. Ч. 2. С. 86.
15. См.: основные вехи этих войн в Перечене военных действий, в которых участвовали донские казаки (Мининков Н. А. Указ. соч. С. 489–490).
16. Мининков Н. А. Указ. соч. С. 83.
17. Королев В. Н. Донские казацкие городки. Новочеркасск, 2007. С. 5–6.
18. Маржарет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 151–152.
19. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 220.
20. Мининков Н. А. Указ. соч. С. 83, 84.
21. Тюменцев И. О. Донское казачество и социальные движения в России XVI–XVIII вв. // История донского казачества: В 3 т. Ростов н/Д., 2020. С. 201–209.

22. *Королев В.Н.* Роспись донских казачьих городков конца XVI в. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып. 11. С. 246.
23. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч.: в 8 кн. СПб., 1904. Кн. II; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч.: в 18 кн. М., 1989. Кн. IV. Т. 7/8; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. М., 1995; *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.
24. *Ригельман А.И.* История, или Повествование о донских казаках. М., 1846; *Бояринов С.* Смутное время на Руси и донские казаки. Новочеркасск, 1912; *Елкин М.В.* Смутное время на Руси и донские казаки: к трехсотлетию юбилею, 1613–1913: краткий исторический очерк. Николаев, 1913.
25. *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951; *Долинин Н.П.* Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; *Шепелев И.С.* Труды по истории России в начале XVII столетия. Т. 1–2. Волгоград, 2012; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.
26. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 129–142; *Dunning Ch.* Crisis, Conjuncture and the Causes of the Time of Troubles // Harvard Ukrainian studies Esseys presented to Edward L. Keenan on his sixteenth Birthday by his Colleagues and students. Cambridge, 1995. Vol. XIX. P. 97–119.
27. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в начале XVII ст.: казачество на переломе истории. М., 1990; *Тюменцев И.О.* Смуты в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

28. Тюменцев И.О. Казачество в Смутное время в России начала XVII в. // Очерки истории и культуры казачества юга России. Волгоград, 2014. С. 54–80.
29. История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973. С. 106.
30. РГАДА. Донские дела. К. 1.
31. Рябов С.И. Донская земля в XVII в. Волгоград, 1992. С. 41.
32. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 12.
33. РГАДА. Донские дела. Д. 1. Л. 100–102.
34. Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М., 2014.
35. Венков А.В. Азовское сидение. М., 2009.
36. Королев В.Н. Боспорская война. М., 2007.
37. Чаев Н.С., Бибикова К.М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание. М., 1935. С. 32–34.
38. Лебедев В.И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955.
39. Буганов В.И. Разин и разинцы. М., 1995.
40. Рябов С.И. Указ. соч. С. 80–88.
41. Королев В.Н. Донские городки. С. 5–6, 235–238.
42. Королев В.Н. Там же. С. 7–220.
43. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства и первые годы существования. Волгоград, 2012.
44. Галкова О.В., Савицкая О.Н., Скворцов Н.Б. Концептуальные основы изучения казачьих городков и крепостей Московского государства на южных окраинах России в XVI–XVII вв. // Известия ВГПУ. 2014. № 3 (88). С. 95–99 и др.

Н.А. Мининков¹

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

Начиная с последней четверти XIX в. вопросы экономической истории и тесно связанной с ней социальной истории выдвинулись на одно из ведущих мест в научном историческом исследовании. В построении объяснительных моделей исторического процесса историки стали обращать самое пристальное внимание на роль экономики, социальной структуры и межклассовых отношений в обществе. Советские историки придавали роли экономики и социальных отношений по существу основополагающее значение при объяснении значимых общественно-исторических явлений и процессов и положения в обществе на разных стадиях его исторического развития. Плюралистический подход при формировании объяснительных моделей подобных явлений и процессов, который имел место в дореволюционной историографии, советскими историками двадцатых годов сводился к монистическому, когда в отдельных случаях из состояния экономики пытались давать общее объяснение и делать далекоидущие выводы. Для них метатеоретической основой служила теория торгового капитализма.

В отношении истории казачества типичным примером является объяснение истории Войска Донского XVII–XVIII вв. в свете этой метатеории Н.Л. Янчевским, который сводил донское казачество этого времени к положению наемного войска для московского торгового капитала. В дальнейшем такое объяснение было признано далеко не полным, прямо-

¹ **Мининков Николай Александрович** — д-р ист. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

линейным и недостаточным для объяснения сложных процессов ранней истории донского казачества. Поэтому советские историки экономические и социальные процессы в истории донского казачества рассматривали не в отрыве, но в самой тесной связи с другими процессами, прежде всего с политическим и правовым положением донского казачества, с ролью его во внешней политике России. Вопросы, относящиеся к экономической истории донского казачества, получили глубокое исследование в трудах советских историков, прежде всего А.П. Пронштейна, А.И. Агафонова, И.П. Хлыстова.

С конца восьмидесятых годов, когда начался пересмотр метатеоретических положений, на базе которых формировались теории по конкретным историческим проблемам, намечилось ослабление внимания к вопросам социальной истории, а особенно экономической истории. В том числе это относилось к истории донского казачества. На первый план в исследованиях по донской истории стали выходить другие вопросы, которым ранее и в самом деле не всегда уделялось необходимое внимание. Это вопросы политической истории, истории с позиций культурно-антропологического подхода и некоторые другие. Но за последнее время вновь стал заметен интерес к социальной истории и, следовательно, к вопросам экономического положения донского казачества, в том числе к тому, что касалось экономических и статистических исследований, которые велись в Области войска Донского.

Дальнейшие исследования этой проблематики представляются перспективными. В том числе это относится к ранней истории донского казачества, когда еще не произошла инкорпорация Войска Донского в политическую систему России. В этой связи следует обратить внимание на то, что экономика донского казачества в то время существовала, но строилась она своеобразно. Она не может быть сведена к производственной базе. На Дону такая база имела, но ограничивалась

скотоводством, и прежде всего — коневодством. На высоком уровне казаки владели такими отраслями ремесленного производства, как кузнечное и судостроительное. Совершенно очевидно, что все эти отрасли производящего хозяйства имели значение как подсобные для главного средства существования казаков, которыми были походы, как боевые — против Азова, Крыма и османского побережья Черного моря, так и воровские — на Волгу и Каспийское море. Эти отрасли хозяйства обеспечивали конные морские военные действия казаков, в которых они захватывали весьма значительную добычу. Такая захваченная казаками добыча позволяла им развернуть торговлю с населением южных русских городов и уездов, со своими азовскими и другими соседями. Исследование донской торговли принадлежало известному советскому историку А.А. Новосельскому. В качестве специфики донской торговли того времени он выделял значительную торговлю «ясырем», причем указывал, что воеводы южных городов по Белгородской черте опасались большого скопления купленных на Дону ясырей в случае крымского или ногайского нападения. В 1629–1630 гг. велось большое следствие по поводу покупки русскими служилыми и посольскими людьми ясырей у донских казаков. Оно было подробно изучено за последнее время О.Ю. Куцем.

Современное исследование предполагает опору на антропологический подход и на выявление положения в сообществе отдельного человека, в данном случае казака. Конечно, за XVII в. сведений в источниках не так уж много. Но тем не менее отдельные сведения о состоятельности казаков и их материальном достатке имеются. В историографии обращали внимание на домовитых казаков и так называемую голытьбу. Особенно относилось это ко второй половине XVII в., когда объясняли предпосылки Разинского восстания. Это справедливо. Вместе с тем в источниках имеются сведения

о том, как казаки, имевшие значительное материальное богатство, легко и быстро утрачивали его. Например, эти средства могли идти на выкуп казаков, захваченных азовцами, из полона. По-видимому, в казачьей среде того времени имело место как серьезное, так и весьма легкое отношение к богатству. Война и участие в воровских походах могли привести казака как к гибели, так и к приобретению богатства. Но такой путь обогащения вел к тому, что расставание с богатствами давалось казакам довольно легко. Несомненно, что объяснение такого обстоятельства может быть перспективно при междисциплинарном исследовании с учетом особенностей исторической психологии казака того времени как члена боевого, «рыцарского» сообщества, в котором богатство не составляло главной общественной ценности, а «скупой рыцарь» был, скорее, интересным плодом воображения А.С. Пушкина. При этом во второй половине XVII в. положение менялось. Источники содержат сведения о богатстве отдельных казаков и особенно старшин, у которых были работники и имелось хозяйство. Ко времени массового движения донских старообрядцев и тем более в период Булавинского восстания такое явление уже просматривается в полной мере.

Одним из важных вопросов экономической истории донского казачества является эволюция форм хозяйственной деятельности. Прежде всего это относится к земледелию и к его распространению на Дону. Во всяком случае, исследователи отмечают, насколько сложно шел этот процесс, в том числе в связи с особенностями традиционного образа жизни казаков и их психологии, в которой земледельческий труд не рассматривался как достойный для воина-казака вид деятельности. В связи с развитием казачьего хозяйства и постепенным распространением земледелия стала возрастать ценность земли. Как ясно показал в своем исследовании об общественном быте и народных обычаях Казанской станицы донской

экономист и статистик, член Статкомитета И.В. Тимощенко¹, по мере роста населения и потребности в земле был отменен обычай всеобщего пользования землей и за станицами были закреплены земли, или юрты, с установлением рубежей. Он указывал, что при этом большие земельные участки захватывали богатые казаки, которые обрабатывали их с использованием наемного труда малороссиян. Это вело к земельным спорам среди казаков и усиливало нестабильность в отношениях между ними. Тогда было решено выделять паи, которые получал каждый казак. Но многие из них сами не вели хозяйство, но сдавали землю в аренду. Он писал, что арендатор, купцы или крестьяне из соседней Воронежской губернии платили хорошую арендную плату, но эксплуатировали при этом землю до такой степени, что за четыре года она становилась негодной. Поэтому тема «земельного хищничества» на Дону очень занимала И.В. Тимощенко.

С XIX в. развернулась работа по статистико-экономическому изучению Дона, ее организационным центром стал с 1839 г. Статкомитет в Новочеркасске. В 1832 г. вышло в свет первое статистическое описание Земли войска Донского. Значителен был вклад в изучение экономики Дона Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова. В последнее время, в 2019 г., современный исследователь А.Ю. Перетяцько поставил в своем трехтомнике «Цена крови» вопрос о связи между экономикой казачества и казачьей службой, или о том, во что обходилось казачеству выполнение служебных обязанностей, а государству — служба казаков. Важнейшей проблемой стало, как показывает А.Ю. Перетяцько, приспособление казачьих войск, в том числе Войска Донского, к модернизационным процессам. В то же время ему удалось доказательно, с опорой на широкий круг документальных и нарративных источни-

¹ Общественный быт и народные юридические обычаи Казанской станицы // Донские областные ведомости. Часть неофиц. 1873. 31 окт. (№ 43).

ков, показать, какие трудности стояли при проведении реформ. В частности, как казаки зачастую не могли выдержать конкуренции с иногородними, количество которых возросло на территории Области войска Донского по мере развития начал пореформенной гражданственности.

В некоторых случаях в историографии степень достоверности данных в разных статистических описаниях оценивается невысоко. Едва ли заслуживают такой оценки статистические данные по станицам и по войсковым запасным землям Области войска Донского члена Статкомитета И.В. Тимощенкова, когда он сам ездил по станицам, лично наблюдал за экономическими и социальными явлениями в станичной и хуторской жизни и тщательно собирал сведения. Они нашли отражения отчасти в публикациях в Сборниках Статкомитета Области войска Донского, а в полном виде — в опубликованном в 1908 г. сборнике. Этот сборник представляет собой библиографическую редкость. В нем не только даются цифровые данные, но и содержится авторский анализ. Заслуживают внимания не только выводы его о сложности экономического положения казачества, о нехватке в некоторых станицах хорошей земли, но и о представлениях качества о своем экономическом положении. Так, автор обращал внимание на представления казаков в отдельных станицах о доходности своих земледельческих занятий, когда с экономической точки зрения эти занятия были убыточными. Он предлагал свое решение актуального для казачества вопроса о дефиците хорошей земли в некоторых станицах и разработал проект добровольного переселения казаков на войсковые запасные земли в пределах Области войска Донского. В части переселений это имеет сходство с мерами Столыпинской аграрной реформы. Но принципиальное отличие в том, что в Столыпинской реформе содержалось стремление к ликвидации крестьянской общины, тогда как И.В. Тимощенков подчеркивал необходи-

мость сохранения казачьей общины как основы сохранения в новых условиях модернизации казачества со своими культурно-историческими и правовыми особенностями.

Представляется, что в настоящее время в качестве одной из актуальных задач в исследованиях по экономической истории донского казачества может вызывать интерес исследование особенностей экономического положения в отдельных станичных юртах, имевших особое положение в силу природной и географической специфики. Такие особенности имелись, несомненно, в станицах Ростовского округа на рубеже XIX–XX вв., где первостепенное значение имело рыболовство, а не земледелие (Гниловская, Елизаветинская). Также представляют интерес особенности станиц Сальского округа, в которых жили казаки-калмыки. То же самое может относиться к вопросу о психологическом восприятии казаками новых экономических явлений, отношении их с миром, внешним по отношению к казачеству, но который влиял на его экономическое положение, прежде всего с иногородними.

Возрождение интереса к проблематике экономической истории, представляющей собой особую сложность, видится позитивным явлением. Оно обеспечивает более глубокое и полное понимание положения донского казачества на разных этапах своей истории, а также экономические основы идеи расказачивания, которая обозначилась уже в условиях буржуазных реформ в стране.

Н.В. Варивода¹
П.А. Кузьминов²

«ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ» И ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ПРЕДКАВКАЗЬЯ В XVIII в.

Отличительной особенностью формирования Российской-го государства на протяжении многих веков был перманентный процесс движения различных групп населения и расширения его территории на восток, юг, запад и север. И если миграция на запад была возможна только с помощью военной силы, поскольку этот регион был давно освоен и заселен, то «растеканию» русского населения по другим направлениям ничто не мешало. Из небольшого, но амбициозного Московского княжества в XVIII в. сложилось крупнейшее государство мира.

Движение населения на пустующие пространства, желание уйти от власти феодала, воеводы, наместника, поиск земли «за горизонтом» были яркой особенностью исторического развития России. Научный анализ этого необычного явления привел к складыванию в XIX в. теории колонизации, с помощью которой была сделана попытка выяснить глубинные причины данного феномена. Ее представителями были выдающиеся российские ученые С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, М.К. Любавский, А.А. Кауфман и др. В их

¹ **Варивода Наталья Владимировна** — старший преподаватель кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик).

² **Кузьминов Петр Абрамович** — профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова; старший научный сотрудник лаборатории «Интеллектуальные палеогеографические и исторические системы» научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» (ЕМААА) Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (г. Нальчик).

понимании колонизация представляла собой специфическое общественно-историческое явление и движущую силу русского исторического процесса.

По мнению С.М. Соловьева, при изучении проблемы территориального расширения России необходимо выдвигать на передний план многих поколений русских переселенцев, а не завоевателей с их победами. Данная мысль ученого достаточно верно отражает специфику освоения новых земель, т. к. изначально Россия — страна колонизирующаяся. Ее окраины не отделены морем от метрополии, что позволило Российскому государству вырасти из «органического» слияния и освоения соседних территорий. Свободные пространства периферии Российского государства были предопределены для заселения путем колонизации. Поскольку процесс образования огромных колониальных империй в середине XIX в. активно изучался, Соловьев сравнивал расширение России с историческим процессом обретения европейскими державами заморских колоний. Англия, Франция, Испания, Португалия, Нидерланды, Бельгия в Новое время под военной охраной армии организовано посылали караваны судов для захвата и колонизации новых земель, распространения в них цивилизации, христианства и гражданственности. И если западные государства расширяли территории колоний морскими путями и с помощью военной силы, то славянские этнические общности колонизировали новые районы благодаря труду многих поколений русских поселенцев. Осваиваемые переселенцами территории с самого начала развивались как неотъемлемые части страны [1]. Это положение фактически отвергало утверждения Н.М. Карамзина, который считал российскую колонизацию результатом непрерывных наступательных войн [2].

Одним из первых в отечественной историографии С.М. Соловьев выдвинул тезис о том, что русские переселенцы не за-

воевывали соседние народы в собственном смысле этого слова, а строили села и города, инфильтрируясь в иноязычную среду для совместного проживания с автохтонным населением, взаимобогащая и поддерживая друг друга. Освоение степного Предкавказья частично подтверждает выводы, к которым пришел известный ученный, а за ним и другие представители теории колонизации. Если строительство Терского городка (Терки), Святого Креста, Кизляра, Ставрополя не встретило негативной реакции и отвечало интересам местного населения, то возведение крепостей Моздок, Владикавказ, Екатеринодар, Грозный, Нальчик привело к обострению отношений с ним и стало одной из причин Кавказской войны.

Вспоминая слова В.О. Ключевского о том, что каждый период русской истории становится очередным этапом в ходе русской колонизации [3], можно экстраполировать эти утверждения и на южное порубежье, где освоение Дона, Предкавказья, Прикубанья и Причерноморья в XVIII в. было одной из форм колонизации региона.

Проблема освоения Предкавказья в дореволюционном кавказоведении, как правило, рассматривалась с официальных позиций. Представители этого направления обосновывали необходимость строительства Кавказской линии и казачьей колонизации региона такими причинами, как защита от набегов крымских ханов, исконная принадлежность народов Предкавказья России, приобщение народов Северного Кавказа к европейской цивилизации [4]. Исследователи демократического течения подчеркивали недостатки аграрной политики правительства России на Кавказе [5]. Эти критические замечания были методологически обоснованы, фактологически подтверждены и развиты в советской историографии [6]. Политический и идеологический плюрализм последних трех десятилетий обусловил концептуальное противостояние и в вопросе колонизации Предкавказья [7].

Освоение Предкавказья было сложным и многогранным явлением. Оно проводилось как посредством целенаправленных действий правительства, так и стихийным путем. Сюда уходили казаки, беглые, раскольники, переселялись помещичьи крестьяне и др. [8]. Колонизация Предкавказья разными слоями российского населения стала постоянным элементом развития края с XVIII в. и во многом зависела от политики России в регионе. Российская империя, стремясь утвердить собственное присутствие на Северном Кавказе, рассматривала колонизаторскую стратегию как одно из эффективных средств утверждения своего владычества здесь, стараясь превратить переселенцев в опору своей завоевательной политики.

Процесс колонизации Предкавказья необходимо изучать в тесной связи с процессами формирования казачества, т. к. последнее выступало решающей военной силой в ходе продвижения России на Кавказ. Именно с казачеством изначально связывались колонизационные задачи правительства в регионе. В дореформенный период военно-казачье сословие заметно преобладало в общем потоке колонистов, расчищая дорогу гражданской крестьянской колонизации.

До начала XVIII в. интеграция небольших по численности групп переселенцев в новое этническое, политическое и географическое пространство проходила безболезненно. Между пришлыми и старожилами складывались, как правило, теплые, доброжелательные связи, основанные на куначеских и добрососедских отношениях взаимовыручки и поддержки.

В XVIII в. Россия превращается в крупнейшую континентальную империю, что изменяет ее геополитическую роль на Юге и Востоке. С активизацией политики Российской империи на Кавказе и усилением ее противоборства с Ираном и Турцией расширяется приток сюда переселенцев. В это

время Российская империя переходит от политики постепенного развития союзно-вассальных отношений с народами Северного Кавказа к их присоединению и установлению русской администрации. В связи с этим усиливается казачья колонизация Северного Кавказа.

С именем Петра Великого связаны первые шаги государства Российского к освоению Кавказа. В ходе Персидского похода Петр I «изволил заложить новую крепость под именем Святого Креста» вместо Терки, где от реки Сулак отделялась река Аграхань [9]. В 1722 г. сюда была переселена часть терских казаков, из них создали Аграханское казачье войско. В 1724 г. в состав войска вошли и 1000 семей донских казаков [10], переселенных сюда в три станицы: Каменка, Прорва, Кузьминка, — из которых послали «...на Аграхань 500 семей, в Гребени 500 же семей...» [11].

Указ Петра I от 29 августа 1723 г. «О населении гребенских казаков у кр. Святого Креста» вызвал смуту в среде гребенцов, не желавших подчиняться царской власти и покидать освоенные места [12]. Это вынудило правительство отказаться от плана переселения гребенских казаков в указанную крепость. Численность терских казаков, поселившихся вблизи Св. Креста, определялась П.Г. Бутковым, Г.А. Ткачевым, С.А. Козловым и др. исследователями в 1000 и более человек [13].

В образовании Аграханского войска мы видим один из первых опытов правительственной колонизации Северного Кавказа. Однако он был неудачным. Места поселения войска оказались непригодными для постоянного жительства, в результате чего из 1000 семей донских казаков к 1735 г. осталось всего 452 [14].

Крепость Святого Креста была уничтожена в 1735 г. вследствие обострившихся отношений между Россией и Персией. В 1736 г. остатки донских (аграханских) казаков были поселены недалеко от крепости Кизляр и составили Терско-Семей-

ное казачье войско. Казаки были названы «семейными», потому что получали пособие на вдов и сирот казаков, погибших во время службы на Аграханской линии. Они обосновались тремя станицами: Бороздинской, Дубовской, Каргалинской [15]. Численность войска доходила до 850 человек, но половину составляли казачьи жены и дети. Положение войска оказалось на первых порах очень тяжелым.

Другая казачья группа, поселившаяся в Кизляре, Терское Кизлярское войско, состояла из представителей кавказских народов и отряда служилых казаков, переселившихся сюда из крепости Святого Креста и названных Терскими. По сравнению с Гребенским и Терским Семейным, Кизлярское войско было малочисленным и не превышало 170 человек. Среди них было 27 представителей военных чинов, новокрещенных насчитывалось 24, окочен¹ 18, терских казаков около 100 [16]. Командиром Терского Кизлярского войска был кабардинский князь Эльмурза Бекович-Черкасский. С образованием Терского Кизлярского войска царская администрация пыталась придать своей политике на Северном Кавказе новое направление. Отныне наряду с созданием казачьих войск за счет переселения служилых казаков из России государство стремится опереться на горцев, привлечь их на российскую службу. «Разноплеменное и разноязычное» Кизлярское войско было для правительства противовесом как слишком независимому Гребенскому войску, так и «пришлым» и плохо ориентированным в северокавказских «конъюнктурах» служилым казакам с Дона, составлявшим Терское Семейное войско. По подсчетам В.М. Кабузана, к 1763 г. всех казаков на Тереке было 1335 человек [17].

Ускорению темпов казачьей колонизации края способствовало строительство военно-оборонительных укреплений. Еще в 1712 г., чтобы установить более тесную связь меж-

¹ Окоченами называли чеченцев, проживающих у Кизляра.

ду Кабардой и Терками, генерал П.М. Апраксин организовал переселение гребенских казаков на левый берег Терека, где они образовали на протяжении 80 верст линию из пяти станиц: Червлёная, Шадринская, Новогладковская, Старогладковская, Курдюковская. Эти станицы и в дальнейшем являлись основными поселениями гребенцов. «Так образовалась первая Терская кордонная линия, развернувшаяся впоследствии от моря до моря в грандиозную, прославленную своими подвигами, Кавказскую линию... И первым основателем Кавказской линии является боярин Петр Матвеевич Апраксин» — писал В.А. Потто [18].

Политика продвижения и укрепления России на Кавказ имела определенные особенности, которые заключались в том, что если в XVI–XVII вв. военные крепости имели исключительно оборонительное значение, то теперь они становятся форпостами освоения Предкавказья и «потеснения» горских народов. Описывая события, связанные со строительством Моздока, В.А. Потто заметил, что «едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа» [19]. Крепость Моздок была основана по просьбе малокабардинских князей: Кургоко Канчокина, Батоко Таусултанова, Казыбека и Асланбека Алиевых [20]. В 1762 г. кабардинскому князю Канчокину было разрешено с крещеными подданными переселиться в урочище Мездогу на левом берегу Терека. Ушедшие в Моздок кабардинцы, как правило, находились в различной степени феодальной зависимости от владельцев. Принятие российского подданства и христианства давало им личную свободу, землю, возможность заниматься промыслами, беспошлинную торговлю, они получали «подъемные» на обзаведение хозяйством. Для поощрения горских переселенцев устанавливалось вознаграждение в таком размере: «Узденям — по 10 рублей, простым — по 5 рублей» [21]. Такие преференции обусловили массовый при-

ток беглых кабардинцев, население урочища быстро росло, и в 1765 г. оно было преобразовано в город Моздок.

Строительство крепости Моздок вызывало острое недовольство владельческой верхушки, которая теряла рабочие руки, а вместе с ними средства к жизни. Кабардинские князья неоднократно выражали протест России по поводу строительства Моздока, требовали возвращения беглых и запрещения администрации в дальнейшем принимать их зависимых крестьян. В годы Русско-турецкой войны (1768–1774) правительство ограничивало прием беглых, а в 1771 г. Екатерина II, идя навстречу их пожеланиям, обещала вернуть беглых холопов, но категорически отказалась удовлетворить их требования о сношении Моздока. Его основное население составили грузины, армяне, кабардинцы, осетины, греки [22]. Из числа переселенцев, главным образом крещеных осетин и кабардинцев, была создана Моздокская горская казачья команда численностью около 100 человек [23]. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество, известное под названием «казачьей братьи». Один из семейства переселенцев записывался в казаки и тем самым избавлял остальных членов семьи от возврата прежним владельцам.

Таким образом, активные протесты в виде подачи прошений императорам России и даже вооруженные выступления кабардинцев не заставили правительство отказаться от Моздока. Напротив, на Кавказе стали появляться всё новые укрепленные поселения. В 1770 г. для усиления Терской кордонной линии на левобережье от Моздока до Червлёной были поселены 517 семей волжских казаков с Царицынской кордонной линии, образовавшие Моздокский казачий полк. Их расселили в 5 новых станицах: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской [24]. Эти станицы соединили единой военной линией города Моздок и Кизляр. В дальнейшем для охраны «заведенных станиц» с Дона пере-

вели донских казаков по 50 семей в каждую станицу и 100 семей для обслуживания моздокской крепостной артиллерии, основавших станицу Луковскую [25]. В 1800 г. была основана станица Стодереvская, где была поселена милиция, переведенная из Саратова, и 200 семей крещеных калмыков, вошедших в состав Моздокского полка [26]. Всего в составе Моздокского гарнизона в 1770 г. насчитывалось 1800 человек.

Осуществлению захватнических планов царизма на Северном Кавказе способствовали и внешнеполитические успехи России. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. кабардинский вопрос был решен в пользу России. Это должно было укрепить русское влияние среди горских народов, которые были связаны вассально-подданическими отношениями с кабардинскими князьями. Договор полностью развязал руки царизму. Победа укрепила позиции России в бассейне Терека, открыла путь через перевалы Большого Кавказа в Грузию, сблизила ее с народами Закубанья, создала условия для активизации действий в Предкавказье.

Уже в 1777 г. князь Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине докладную записку с конкретным планом колонизации Северного Кавказа и предкавказских степей. По этому плану предполагалось сомкнуть линию от Азова до Моздока путем строительства по этой линии и заселения ее новыми поселенцами-казаками. Как утверждал Г.А. Потемкин, «оная линия прикрывает от набегов соседних племен границу между Астраханью и Доном... отделит разного звания горских народов... от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество» [27].

В центре линии в 1777 г. была заложена крепость Святого Георгия (Георгиевск). В 1778 г. на вооружении крепости состояло 24 пушки, 10 мортир, 4 гаубицы [28]. Контроль над

долинами рек Кумы, Подкумка, Малки, издавна находившихся в центре внимания кабардинских князей, вызвал их бурный протест и военное столкновение 27 сентября 1779 г. [29]. Таким образом, это был не план мирной цивилизационной колонизации Предкавказья, а в первую очередь военный, который позволял России прочно утвердиться на Северном Кавказе. Строившуюся линию назвали Азово-Моздокской. Однако за ней закрепилось название Кавказской. Она прошла от Моздока по следующим рекам: Малка, Кура, Золка, Подкумок, Карамыс и Калаус, по землям Войска Донского через крепость Святого Дмитрия до Азова. Создание этой своеобразной «засечной» линии, отрезающей степные районы Предкавказья от предгорий, населенных северокавказскими народами, открывало широкие возможности для заселения и экономического освоения этого региона. Кавказская линия также обеспечивала установление коммуникационных связей с Грузией: от Моздока шла через Дарьяльское ущелье трасса будущей Военно-Грузинской дороги.

24 мая 1783 г. в Георгиевске было подписано соглашение между Россией и Грузией, по которому Грузия признала российский протекторат. На основании этого российское командование принимает меры к улучшению путей сообщения с Грузией. Решено было расширить и улучшить дорогу через Кабарду и Главный Кавказский хребет, и уже «к октябрю месяца 1783 г. Кавказский снеговой хребет... прорезан был дорогой» [30], которая получила название Военно-Грузинской. «Линия эта, обеспечившая сообщение с Закавказьем, имела еще и другое, не менее важное значение: она отделила Большую Кабарду от Малой и затруднила возможность совместного действия их против нас вместе с чеченцами или ингушами» [31]. Уже в 1784 г. было заложено укрепление Владикавказ.

Первоначально новые крепости требовалось заселить казаками по примеру уже созданной Кизляр-Моздокской

линии. В 1777 г. для заселения крепостей Азово-Моздокской линии с Волги был переселен остаток Волжского казачьего войска. Казаки заложили свои станицы при крепостях: Екатериноградской при урочище Бештамак, Павловской на р. Куре, Марьинской на р. Золке, Георгиевской на р. Подкумке и Андреевской на р. Карамыке [32]. Переселенцы составили Волжский казачий полк. В 1781 г. в станицах этого полка проживало 4637 человек [33]. В 1778 г. началось переселение Хоперского казачьего полка с Дона, который был размещен в 5 станицах: Александровской, Северной, Ставропольской, Московской и Донской [34].

Усиливая военное присутствие на Северном Кавказе, российское правительство начинает предпринимать активные действия по экономической колонизации Предкавказья. С этой целью армянину Захарию Арежеву было выделено 6596 дес. земли. В 1765 г. под Кизляром прокурору А.А. Вяземскому было пожаловано 104 483 дес. земли [35].

Процесс расширения дворянского землевладения усиливался. Это было связано с щедрой раздачей российскими властями местных земель, главной целью которой являлось привлечение русского населения на Северный Кавказ. Особенно активно стала проводиться передача кавказских земель дворянству после издания именного указа Екатерины II Сенату в 1782 г. «О раздаче желающим под поселение земель, составляющих обширную степь по линии Моздокской». В 1755–1788 гг. правительство раздало офицерам и чиновникам более 235 тыс. дес. земли. Светлейший князь Таврический Г.А. Потемкин получил на Северном Кавказе 40 тыс. дес., граф И.Г. Чернышов — 12 тыс. дес., князь А.А. Вяземский дополнительно к ранее полученным — еще 25 тыс. дес., Хвостиков — 1100 дес., Андрей Тарумов — около 15 тыс. дес., Криворучков — 5343 дес., премьер-майор Устинов — 6 тыс. дес., генерал Савельев — 22 тыс. дес. земли [36]. За 22 года после опублико-

вания именного указа 1782 г. здесь было роздано помещикам и другим лицам свыше 400 тыс. дес. лучших земель [37]. Всего, по данным И. Бентковского, на Северном Кавказе с 1718 по 1804 г. было роздано 623 306 дес. земли [38].

По мнению членов правительства, «пожалование» земли должно было «завести» механизм товарно-денежных отношений в регионе. Землевладельцы по идее должны были переселить сюда своих крепостных крестьян, построить имения, освоить целинные земли, принести новые приемы обработки земли и тем самым способствовать расширению основ российской цивилизации. Но из намеченного выполнено было совсем немного. Началась военно-казачья колонизация, которая ограничила жизненное пространство местных народов и привела к военным столкновениям с переселенцами.

Несмотря на это, правительство обратило серьезное внимание на развитие экономических связей с народами Северного Кавказа. В 1760 г. сюда был разрешен ввоз разнообразных мануфактурных товаров. Были отменены различные пошлины, которые уплачивали кабардинцы при покупке российских товаров и продаже своих изделий и скота в г. Кизляр. Расширяя торговлю с кабардинцами, российское правительство предложило помимо ремесленных изделий и продуктов хозяйственной деятельности продавать просо, ячмень, мед, воск, большими партиями скот и особенно лошадей [39]. Кроме этого на рынке Кизляра в значительном количестве были представлены разнообразные ремесленные товары из Кабарды, Дагестана, Осетии. Пошлины на эти товары тоже не взимались [40].

Почти одновременно начинается освоение Кубани. В 1777–1778 гг. А.В. Суворов, командовавший Кубанским корпусом, разработал план пограничных укреплений, вытекавший из сложившейся здесь системы обороны. Базой для интеграции военных сил стал г. Копыл. Здесь было построено

пять крепостей и 20 редутов, укрепивших пограничную линию от Тамани до верховьев Кубани против рек Лабы, Урупа и далее до старой Терско-Моздокской линии [41].

По степным рекам Кирпили, Бейсуг и Ея, от крепости Павловской до Азовского моря протянулась вторая линия укреплений, состоявшая из редутов. Обе линии Кубанских укреплений были вооружены артиллерией. Это было вызвано тем, что турецкий султан, несмотря на официальное признание Северного Кавказа территорией России, фактически не хотел отказываться от притязаний на него и готовил новые нападения на пограничные районы.

Активное заселение и освоение Кубани казаками и крестьянами началось в конце XVIII в. После заключения Ясского мира (1791 г.) между Россией и Турцией, который закрепил новую границу России по р. Кубань, правительство решило колонизировать Правобережную Кубань.

Начало будущему Черноморскому казачьему войску было положено распоряжением князя Г.А. Потемкина от 20 августа 1787 г.: «Чтоб иметь в наместничестве Екатеринославском военные команды волонтеров, предпоручил я секунд-майорам Сидору Белому и Антону Головатому собрать охотников и конных и пеших для лодок из поселившихся в сем наместничестве служивших в бывшей Сечи Запорожской казаков» [42].

К концу 1787 г. в «вольной запорожской команде» числилось 600 человек. Орденом от 2 января 1788 г. Г.А. Потемкин призывает С. Белого «употребить всемерное старание о приумножении казаков». В январских документах появляется выражение «войско верных казаков». 23 января 1788 г. Сидор Белый «назначен войсковым атаманом верных казаков» [43].

Динамика роста численности казачьего войска выглядела так. В феврале 1788 г. в войске состояло всего 732 чел., к концу марта — 1343, в мае — 1812, в июне — 2095 чел. [44].

В конце 1788 г. «черноморцы» стали именоваться «Ея Императорского Величества войско верных Черноморских казаков» [45].

В 1791 г. состав войска значительно вырос. В ведомости от 30 ноября 1791 г. численность черноморцев — 12 620 чел. В 1792 г. численность войска значительно сократилась, что связано было с оттоком казаков на родину. По мартовским спискам в пешей команде состояло 7739 чел., в конной — 2183, т. е. общий состав войска равнялся 9992 чел., а в «отлучке находилось 6140 казаков» [46].

В 1792 г. Черноморскому казачьему войску были пожалованы для поселения земли на Тамани и правобережной Кубани. Войску вменялось «бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

После законодательного закрепления региона за «черноморцами» началось их массовое, организованное переселение на новые земли уже в 1792–1793 гг. Шли переселенцы двумя путями. Кошевой атаман З. Чепега снарядил флотилию из 51 лодки и одной яхты [47] и отправил на Таманский полуостров передовой отряд черноморцев под командованием полковника С. Белого. Флотилия, обогнув Крымский полуостров, прибыла на Кубань 25 августа 1792 г. Сам же Чепега пошел на Кубань по суше с остальным войском. В 1793 г. из-за Буга на Кубань прибыло «17 000 д.м.п. во главе с войсковым судьей Антоном Головатым. Казаки расположили по правому берегу Кубани до устья Лабы 22 сторожевых поста-кордона. При первом прибытии на Тамань выстроено для старшин и казаков домов 50, торговых лавок 45, очищено 24 колодца: в лавках 8, между домами 12, в запустелых садах 4. Трудом казаков приведено в порядок 64 запустелых сада, высаживались также новые сады» [48]. Военные поселения казаки обнесли плетневыми изгородями, земляным валом, по которому расставили пушки и огневые сигналы.

Главный казачий город Екатеринодар войсковая администрация решила построить в излучине Кубани на Карасунском мысу [49].

В 1794 г. в степной части происходило размежевание новой войсковой территории и размещение на ней куреней по жребию. Граница этой территории проходила по р. Кубани от ее устья у Черного моря до станицы Воронежской, а оттуда на 20 верст на восток через речки Кирпили и Челбас до станицы Тихорецкой и далее к северо-востоку до старой заставы у верховьев рек Плоской, Кавалерки, Грязной. Эта территория Северо-Западного Кавказа, отведенная для поселения казачьего войска, по правому берегу нижнего и среднего течения реки Кубани получила название Черномории [50].

Северную границу Черномории составляла река Куго-Ея и территория от Еи до впадения последней в Ейский залив Азовского моря. Общая территория, отведенная черноморским казакам на Кубани, составляла три млн десятин. В конце 1794 г. в Черномории насчитывалось 40 казачьих куреней. Одновременно стала заселяться старая Прикубанская линия от Усть-Лабы и выше по берегу Кубани до крепости Прочно-Окоп и по сторожевой линии к Ставрополю. Здесь станицы основали донские казаки, которые несли сторожевую службу на Кубани. В 1794–1795 гг. ими были построены станицы Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская, Темижбекская и др.

Куренные селения (станицы), основанные в 1794 г., располагались по всей правобережной Кубани. Интересно, что все они сохранили названия куреней Запорожской Сечи и только Березанский курень обязан своим названием победам запорожцев под Березанью, а Екатерининский назван в честь императрицы.

Однако многие переселенцы были недовольны выбором земель. Встал вопрос о переселении на новые земли. Отдель-

ные куренные селения меняли свое место жительства по многу раз. Кроме не совсем пригодных земель причиной для переселения были набеги горцев, отсутствие пресной воды, удаленность от баз снабжения и др.

На правом берегу Кубани от устья реки до Изрядного источника, вблизи впадения в нее р. Лабы, черноморцами были созданы укрепленные кордоны, на каждом из которых несли службу до 50 казаков [51]. Кордоны составили Черноморскую кордонную линию, которая входила в состав Кавказской линии, тянувшейся от Каспийского до Черного моря. Под защитой казачьих станиц, крепостей и кордонов началось заселение этого степного района и другими группами населения.

Таким образом, мы видим, что процесс освоения и колонизации степного Предкавказья в XVIII в. проходил в два этапа. Первый, до середины XVIII в., в соответствии с теорией колонизации С.М. Соловьева, был мирный, естественный, обусловленный поисками земли «обетованной» переселенцами. Второй берет начало со строительства Моздока, когда начинается аннексия земли под строительство форпостов, крепостей, размещение казачьих станиц.

Российское правительство, осуществляя свои социальные, экономические и политические задачи на Северном Кавказе, настойчиво наращивало здесь силы казачества. Колонизация региона, его этнокарта во многом определялись правительственными распоряжениями.

Примечания

1. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2. С. 58.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 52, 99–101.

3. *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 1. М., 2003. С. 22.
4. *Гаврилов П.* Устройство поземельного быта у горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горах (далее — ССКГ). Вып. 2. Тифлис, 1869; *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880; *Потто В.А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912; *Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912; *Ткачев Г.А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911 и др.
5. *Грабовский Н.Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1865 г. // Терские ведомости. 1868. № 21–26; *Его же.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876; *Его же.* Ингуши, их жизнь и обычаи // Там же; *Абрамов Я.* Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. 1883. 3 июня; *Его же.* К вопросу о мирном покорении Кавказа // Терек. 1883. 10, 12, 17 июня, 6 июля; *Баранов Е.* Очерки землевладения в горах // Терские ведомости. 1892. 31 января; *Хетагуров К.* Насущные вопросы // Собр. соч. в 3 т. Дзауджикау, 1951; *Его же.* Внутренние враги // Там же; *В.Н.Л. (Ардасенов А.).* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896; *Цаголов Г.М.* Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912 и др.
6. *Победоносцев А.* Черкесия. М., 1940; *Кокиев Г.А.* Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сб. ст. и докт. / сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик, 2005; *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; *Его же.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Чекменев С.А.*

Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX в. Пятигорск, 1967; *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965 и др.

7. См.: *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992; *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993; *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770 гг.). Нальчик, 2001; *Его же.* Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005; *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века). М., 2002; *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006 и другие работы, которые выделяют сложный комплекс негативных моментов насильственной колонизации. Вторая группа ученых отстаивает позитивное влияние в основном мирной колонизации Предкавказья. К ним можно отнести следующие исследования: *Матвеев В.А.* Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Армавир; Ростов н/Д., 1998; *Пляскин В.П.* Военные аспекты государственной национальной политики России на Кавказе (1864–1917 гг.). Ростов н/Д., 2002; *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа (материалы к изучению исторического регионоведения). Пятигорск, 2004; *Казначеев А.В.* Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск, 2005 и др.
8. *Ермаков В.П., Чекменев С.А.* Русская колонизация степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мне-

- ния, оценки / Ученые записки ПГЛУ. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С. 29.
9. Там же. С. 32–33.
  10. *Заседателява Л.Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 197.
  11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 286. (№ 4509).
  12. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сб. док-тов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 51.
  13. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 78; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. С. 59.
  14. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 193.
  15. *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 110.
  16. *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 154–155.
  17. *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 29.
  18. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 121.
  19. Там же. С. 236.
  20. *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI — первая четверть XIX в.). М., 2002. С. 289.
  21. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 237.
  22. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001. С. 50.
  23. *Тхамокова И.Х.* К истории формирования линейного казачества. Горский казачий полк // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2000. С. 29.
  24. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 372.
  25. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 41 об. — 42.

26. Там же. Л. 46; Город Моздок. Владикавказ, 1995. С. 38.
27. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 24.
28. *Дорофеев Г.Л., Фоменко В.А.* Крепость Святого Георгия // Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 6.
29. *Шабловский Н.Н.* Георгиевская старина. СПб., 1914. С. 31.
30. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 293.
31. Там же.
32. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 88.
33. *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 49.
34. *Дебу И.Л.* О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общии замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных с ней горцах. СПб., 1829. С. 78.
35. *Бентковский И.* Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе // Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 41.
36. Там же.
37. *Чекменёв С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С. 56.
38. *Бентковский И.* Указ. соч.
39. Кабардино-русские отношения. В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 240.
40. Там же. С. 250.
41. *Фролов Б.Е.* Заселение Кубани казаками // По страницам Кубани. Краеведческие очерки. Краснодар, 1993. С. 72.
42. *Короленко П.П.* Черноморцы за Бугом. Екатеринодар, 1887. С. 9.
43. *Дмитриенко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 3. СПб., 1896. С. 6.

44. *Фролов Б.Е.* У источников Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 56.
45. Там же. С. 57.
46. Там же. С. 60.
47. *Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Краснодар, 2000. С. 131.
48. *Недосекин В.И.* Черноморья. Проблемы социально-экономической структуры. 1792–1860 гг. Краснодар, 1980. С. 10.
49. *Бондарь В.В.* Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг. Краснодар, 2000. С. 31.
50. *Недосекин В.И.* Указ. соч. С. 10.
51. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 179.

В.А. Колесников¹

О ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЛИНЕЙНЫХ СТАНИЦАХ КУБАНИ

Общеизвестно, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. теория модернизации прочно входит как в преподавание курсов истории России и всеобщей истории основной и средней школы, так и в содержание вузовских учебников. По мнению современных теоретиков и методологов, именно данный подход позволяет акцентировать внимание именно на тех аспектах исторического процесса, которые сегодня наиболее актуальны и для мирового сообщества, и для российского социума. Такое видение прошлого позволяет наиболее логично и грамотно истолковывать исторические события, имевшие место в XIX–XX вв. Несмотря на некоторую разницу в исследовательском инструментарии, сторонники теории модернизации выделяют основные признаки, свидетельствующие о трансформации того или иного общества (государства):

- индустриализация (переход от ручного к машинному труду) и, как следствие, рождение массового производства товаров и услуг;
- урбанизация (рост городов и распространение городской культуры);
- секуляризация (обмирщение) сознания, изменение менталитета;
- демократизация структур власти (от феодализма к свободе выбора);
- появление вертикальной социальной мобильности.

¹ **Колесников Владимир Александрович** — канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования (г. Ставрополь).

Теория модернизации вполне применима и к столь уникальному явлению отечественной истории, как казачество, которое в большинстве случаев на страницах региональных трудов продолжает восприниматься и преподноситься трафаретно, как некое сообщество «воинов-хлеборобов», остававшееся как бы в стороне от того темпа перемен, который был задан в России великими реформами Александра II. Весьма заметной остается и доминанта в пользу военной истории, что в отношении кубанского казачества подтверждается, например, увесистыми фолиантами, посвященными, в частности, георгиевским кавалерам Первой мировой войны [1].

Вместе с тем экономические и социальные процессы, набравшие силу в Кубанской области на рубеже XIX–XX вв., как раз свидетельствовали о начале весьма существенной трансформации, касавшейся различных сторон жизни местного казачества. В качестве иллюстрации к заявленной проблематике мы будем обращаться к фактам, относящимся лишь к части представителей Кубанского войска — линейным казакам, чьи станицы некогда располагались в Кавказском, Лабинском и Баталпашинском отделах Кубанской области. Безусловно, о развитии капитализма на юге страны писало немало авторов в рамках еще марксистско-ленинской методологии, отдававшей приоритет социально-экономическим сдвигам в общественных отношениях, росту товарного земледелия на Кубани и процессам пролетаризации части казачества [2].

Абсолютизация хозяйственных отношений в данных трудах заслоняла изменения в прочих сферах жизни, признававшихся несущественными, и, что характерно, в них практически отсутствовали «живые» примеры, взятые из прошлого конкретных станиц и их жителей. Масштабы изменений в линейных станицах могли существенно разниться, и здесь необходимо сделать оговорку, что наибольшая степень трансформации имела место в крупных земледель-

ческих поселениях, располагавших хорошими черноземами, близостью к пунктам вывоза зерна и, соответственно, максимально втянутых в товарно-денежные отношения.

Обращение к различным по характеру документам и свидетельствам современников позволяет рассмотреть новые тенденции, изменявшие повседневность линейцев Кубани. Прежде всего, элементы новизны на рубеже столетий имеют место в основных хозяйственных занятиях станичников — земледелии и скотоводстве. В тех населенных пунктах, где имелась высоко плодородная земля, формируются группы крупных землевладельцев, связанных с рынком, которые помимо участков в собственной станице покупают и арендуют земли и в прочих казачьих и даже неказачьих поселениях. Так, представители офицерской семьи Безладновых имели землю не только в своей родной ст. Барсуковской, но и на кубанском левобережье в с. Голицыно; а казаки ст. Григориполисской, братья Ефим и Василий Паршины, купили 154 десятины земли в х. Привольном относившемся к ст. Новотроицкой [3].

Коневодство и скотоводство, являвшиеся едва ли не преобладающими отраслями у линейцев в эпоху Кавказской войны, в начале XX в. явно не стремятся к росту (за исключением поголовья рабочих волов). Урядник Николай Поляков, описывая в 1905 г. свою родную ст. Григориполисскую, отмечал, что «...в станице теперь не в каждом дворе найдешь корову, есть целые улицы, на которых нет ни одной овцы» [4].

Безусловно, изменения в хозяйственном укладе казаков, происходившие под влиянием складывавшейся рыночной конъюнктуры (прежде всего роста хлебного экспорта), сопровождались и сознательным нежеланием многих представителей войскового сословия заниматься «черным» крестьянским трудом на земле. Отсюда проистекало стремление зарабатывать на жизнь не сельским хозяйством, а другими способами,

например теми или иными видами ремесла. Ранее это было совершенно несвойственно коренным жителям. Так, в описании ст. Николаевской за 1880 г. его автор, учитель Ф.Ф. Арканников, отмечал, что ремесла практически всецело находятся в руках пришлого населения [5]. Но спустя четверть века в приказах по Лабинскому отделу уже регулярно обнаруживаются представители ст. Николаевской, отучившиеся в военно-ремесленных школах и получившие навыки в кузнечном, слесарном, седельно-шорном и прочем мастерстве [6].

Немало молодых станичников осваивают профессии ветеринарных и медицинских фельдшеров, а отдельные представители становятся врачами, работающими в различных регионах Российской империи. В войсковых и отдельных приказах по Кубанскому казачьему войску встречаются регулярные упоминания о тех казаках, которые военной карьере предпочли стезю писаря или «мелкого» войскового чиновника. Невероятно популярной в описываемую эпоху становится профессия учителя: так, например, в ст. Григориполисской до 1917 г. педагогическое поприще избрали для себя не менее полусотни юношей и девушек из казачьей среды, и в 10 образовательных учреждениях станицы процент местных уроженцев оставался достаточно высоким [7].

Стремление казаков существовать за счет казенного содержания, а не благодаря хозяйственным усилиям проследживается и в росте такой тенденции, как служба в полиции. Казак, отбыв в начале XX в. положенный 4-летний срок воинской повинности, затем нанимался в ряды блюстителей порядка, причем этот процесс осуществлялся как вблизи от собственного дома, так и в достаточном удалении от него. По сведениям 1915 г., в губернском центре — г. Ставрополе — в конно-полицейской страже служили вахмистры Федор Афанасов, Федор Шукин и Иван Рыбников, а младшими стражниками — Василий Шурупов и Иван Арчибасов: все из казаков

располагавшейся неподалеку от города ст. Темнолесской [8]. Из содержания архивных документов вытекает, что в 1904 г. уроженец ст. Расшеватской Пахом Швецов числился в Эриванской полицейской страже, а житель ст. Невинномысской Иван Отюцкий — в полиции Кутаисской губернии [9].

По наблюдению отставного войскового старшины Н.И. Дульцева из ст. Убеженской (а это умозаключение относится к 1912 году), «способнейшие казачата норовят вынырнуть хоть каким-либо способом в учителя или в духовенство, а то и в полицию, словом, туда, где платят жалование». По его же словам, основанным, очевидно, на доподлинном знании реалий родной станицы, «...простая рабочая казачья семья, добросовестно всю жизнь копошащаяся в земле, только в редких счастливых случаях поднимается до уровня выше среднего достатка» [10].

Что касается казачьего землевладения, то паи, положенные каждому казаку с 17-летнего возраста, в описываемое время, невзирая на различные запреты войсковой администрации, нередко просто сдавались в аренду разным лицам, что едва ли способствовало пробуждению желания у самих станичников заниматься сельским хозяйством. Типично, что на съезде станиц Лабинского отдела в 1913 г. неоднократно звучала критика в адрес аренды, которая «...сделала из казаков лентяев, пьяниц и развила в них мошеннические проделки...» [11].

Процессы модернизации заставляли казаков в поисках лучшей жизни надолго покидать станицу (причем, если такое отсутствие длилось более 10 лет, следовало исключение из войскового сословия; правда, при возвращении «исчезнувший» вновь причислялся в его ряды) или вообще полностью разрывать с казачеством. В войсковых приказах, например, обнаруживается, что в 1898 г. из казаков в мещане г. Екатеринодара по собственному желанию перечислился из ст. Григориполисской Лабинского отдела Михаил Алексеевич

Свечинский с женой Прасковьей, а в 1904 г. таким же образом и с той же целью станицу оставили Филипп Иванович Сушкин с супругой [12]. В другом документе упоминается малолеток из ст. Суворовской Баталпашинского отдела Алексей Рыбасов, который в 1903 г. добровольно причислился в мещане г. Пятигорска [13].

Наступившая эпоха перемен вызвала к жизни и такое, ранее в целом нетипичное для линейцев занятие, как торговля. Безусловно, что в более ранний период казаки пробовали свои силы на ниве предпринимательства, в рамках созданного в Кавказском линейном войске Торгового общества. Однако в основном речь в тот момент шла о торговле скотом и лошадьми, зачастую выращенными в собственных хозяйствах. Что касается других видов коммерции, то она всецело находилась в руках приезжих купцов, мещан и прочих представителей неказачьего сословия. В начале XX столетия картина явно менялась, и, как уже указывалось выше, в данную сферу деятельности в крупных земледельческих станицах оказывался вовлечен целый ряд коренных жителей.

Как вытекает из данных за 1916 г., в ст. Расшеватской Кавказского отдела смешанной, бакалейной и мелочной торговлей занимались не менее 20 местных казаков. В соседней ст. Новоалександровской наиболее заметной фигурой являлся Никон Ильич Аксенов, член Лабинского уездного податного присутствия по гильдейским предприятиям и владелец торгового дома «Никон Аксенов с сыновьями» с годовым оборотом 40 тыс. рублей [14]. В этой же станице выходец из упомянутой ст. Расшеватской, учитель по образованию Иван Петрович Зеленин, в 1912 г. организовал с компаньоном, австрийским подданным А.И. Баном, пивоваренный завод, торговавший «Белым кубанским пивом».

Следы представителей войскового сословия обнаруживаются и в других направлениях предпринимательства:

изготовление кирпичей (в ст. Невинномысской этим, в частности, занимались П.В. Куревлев и И.А. Шведов), черепицы (К.Т. Пашков, ст. Терновская), маслобойный «завод» (Д.Н. Коптев, ст. Чамлыкская), аптечная торговля (В.Н. Маймулин, ст. Упорная) и пр. [15]. Понятно, что, обремененные воинской повинностью и не обладавшие зачастую должными знаниями и опытом казаки уступали более свободным в выборе занятий, прибывавшим на Кубань с образованием, соответствующими навыками и первоначальным капиталом иногородним. Тем не менее ряды предпринимателей-казачков росли, хотя и не такими быстрыми темпами, как среди пришлых коммерсантов.

Неоспоримым результатом разрушения традиционализма и наступления модернизации становится изменение вкусов, пристрастий и стремлений станичников, все больше оказывающихся во власти рыночного спроса. Так, например, один из современников, посетивший в 1888 г. станицы, располагавшиеся по рекам Егорлыку и Расшеватке, отмечал, что тамошние казачки ткнут грубый холст на собственных станках, что, несомненно, свидетельствовало о сохранявшемся «элементе» натурального хозяйства [16]. Однако спустя четверть века источники не упоминают это занятие, зато указывают, что казаки в массе своей предпочитают покупные ткани, ориентируясь в выборе моделей на городской манер. Об этом же свидетельствует немало фотоснимков конца XIX — начала XX в., где казаки и казачки запечатлены в одежде по моде того времени.

По поводу исчезновения из обихода традиционного казачьего кавказского «костюма» у кубанцев, один из современников в 1911 г. отмечал: «Когда проезжаешь наши станицы, особенно богатые, промышленные, то невольно бросается в глаза обилие пиджаков, цивильных шляп и длинных брюк... В иных станицах черкески только и увидишь что около правления: это — или помощник атамана, или дежурный» [17]. Даже

в годы Великой войны, как пишет видный мемуарист казачьего зарубежья, полковник Ф.И. Елисеев, в казачьих семьях его родной ст. Кавказской, где оставались рабочие руки, имелись признаки зажиточности и стремления к переменам. Девушки одевались согласно тогдашней моде, в длинные кашемировые юбки, повязывали шелковые косынки, подобно горожанкам, носили полусапожки на каблуке. Среди ряда коренных жителей распространилось обыкновение по утрам пить сваренный из жареных желудей и ячменя «кофе» [18].

О желании соответствовать новым веяниям говорили даже мелкие бытовые детали. Так, уроженец ст. Невинномысской Василий Яковлевич Самойленко, отслужив в 1907–1912 гг. в царском конвое, вернулся в станицу, где после предпринятого им капитального ремонта дома избавился от традиционной казачьей обстановки и обзавелся новой городской мебелью [19]. Авторы помещавшихся в «Кубанских областных ведомостях» корреспонденций начала XX в. по поводу произошедших изменений нередко резюмировали, что представители войскового сословия уже превратились в мирных колонизаторов, расширяющих свое богатство и щеголяющих друг перед другом видными хатами, постройками и инвентарем [20].

Распространение грамотности (о чем в начале XX в. свидетельствовал рост различных образовательных учреждений в станицах) и усиление мобильности самих станичников, несомненно, способствовали разрушению традиционной картины мира и постепенному развитию обмирщения сознания среди коренного населения линейных кубанских станиц. Учитель Ф.Ф. Арканников, описывая свою ст. Николаевскую в 1880 г., отмечал: «Народ религиозен до фанатизма. Пожилые и старики усердно посещают церковь, строго соблюдая посты и праздники... Некоторые мужчины и женщины, находясь в тяжкой болезни, дают обет в случае выздоровления

сходить поклониться святым мощам в Киев или в Иерусалим, на Афонскую гору. Обеты эти всегда исполняются, и путешествие богомольцы совершают пешком» [21].

Спустя несколько десятилетий уже можно было столкнуться с несколько иной картиной, где едва ли обнаруживалось традиционное отношение к вере. Так, когда 30 июля 1915 г. ст. Невинномысскую посетил наказный атаман Кубанского войска, генерал от инфантерии М.П. Бабыч, он с неодобанием отметил, что на службе в местной Покровской церкви вместо множества казаков обнаружил лишь нескольких стариков и старух, хотя в этот день отмечались именины Августейшего атамана всех казачьих войск Его Императорского Высочества наследника цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича [22].

В периодической печати Кубани рассматриваемого периода нередко обнаруживаются сетования казачьих офицеров по поводу утраты корпоративной воинской культуры и, соответственно, тревоги относительно будущего самого казачества. Упомянувшийся уже отставной войсковой старшина Н.И. Дульцев из ст. Убеженской в одной из заметок с горечью констатировал, что «омужичивающаяся с каждым годом станица утрачивает свой хороший, чисто казачий облик... Тают казачьи обычаи, тают крепкие некогда нравы» [23].

Процессы модернизации на кубанской земле, вызванные к жизни строительством капитализма в России, несмотря на всю свою сложность и противоречивость, тем не менее протекали естественно, без какого-либо прямого насилия со стороны государства. Их итоги в силу известных событий, последовавших после 1917 г., можно только предполагать, однако такой сослагательный подход уже нельзя будет отождествлять с наукой. Тем не менее документов, хотя они и «распылены» по различным архивам и библиотекам, сохранилось достаточно, и они открывают широкое поле для

изучения. И картина самого процесса перемен в кубанских станицах вряд ли окажется полной без появления новых исследований, посвященных истории отдельных войсковых казачьих поселений начала XX в. и обобщающих аналитических трудов по проблеме.

Примечания

1. См., например: *Тимченко М.С.* Страницы казачьей славы: об участии казаков Кавказского отдела Кубанского казачьего войска в Первой мировой войне 1914–1917 гг. / сост. М.С. Тимченко, К.В. Шкуро. В 2 т. Краснодар, 2014. *Его же.* Страницы казачьей славы. Об участии казаков Таманского отдела Кубанского казачьего войска в Первой мировой войне 1914–1917 гг. В 2 т. М., 2018.
2. См., например: *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д., 1989.
3. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов присутствий. За 1909–1911 гг. Екатеринодар, 1911. С. 191, 196.
4. Кубанские областные ведомости (далее — КОВ). 1905. № 204.
5. *Арканников Ф.Ф.* Николаевская станица (Статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. Паг. 2. С. 613–614.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 8590. Л. 291. Приказы по ККВ за 1914 год. № 341, 759.
7. *Колесников В.А.* Город Григория. Очерки истории станицы Григорополиской (1784–1917). Ставрополь, 2014. С. 128–130.

8. Ставропольские губернские ведомости. 1915. № 47.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8591. Л. 150об.; Д. 8594. Л. 113.
10. Кубанский казачий листок (далее — ККЛ). 1912. № 45, 127.
11. КОВ. 1913. № 255–256.
12. ГАКК. Приказы по ККВ за 1898 год. № 72; Приказы по ККВ за 1904 год. № 206.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8373. Л. 46.
14. Колесников В.А. Казачество Новоалександровского района Ставропольского края 1794–1920. Энциклопедия. М., 2017. С. 102–103.
15. Кубанский календарь на 1914 год / под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1914. С. 388, 425–426, 443–444.
16. КОВ. 1888. № 20.
17. ККЛ. 1911. № 9.
18. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцать брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 184.
19. Колесников В.А. Былое Невинного мыса: к 185-летию переселения Хопёрского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь, 2011. С. 425.
20. КОВ. 1907. № 148.
21. Арканников Ф.Ф. Указ. соч. С. 572.
22. ГАКК. Приказы по ККВ за 1915 год. № 516.
23. ККЛ. 1912. № 108.

О.В. Матвеев¹

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ (2000-е гг.)

1990–2000-е гг. отмечены бурным развитием казачеведения. Защиты диссертаций, издание десятков книг и многочисленных статей, рост числа конференций, образовательных и информационных сайтов и порталов, разнообразие историко-культурных мероприятий, связанных с изучением исторического прошлого и духовного наследия казачества, — всё это нуждается в некотором подведении итогов, определении возможных перспектив дальнейших разысканий, осмыслении стратегий научных исследований.

Краснодарский край в этом отношении весьма показателен. В данной статье предпринята попытка обзорной характеристики сложившихся в регионе научных школ и направлений за последние 20 лет.

Приоритет здесь, безусловно, принадлежит научной школе, возглавляемой профессором Валерием Николаевичем Ратушняком, которая сложилась еще на рубеже 1980–1990-х гг. Уже в эти годы был накоплен огромный потенциал, под руководством ученого защищены диссертации по казачьей проблематике (П.П. Матющенко, Л.М. Галутво, В.В. Бондарь, Д.В. Сень, Ю.Г. Бузун и др. [1]), проведен ряд конференций международного уровня (г. Анапа, 1993 г.; ст. Полтавская, 1996 г.; ст. Каневская, 1999 г. [2]), объединены усилия казачьих организаций, краеведов, архивистов, музеев в популяризации истории казачества, развитии системы казачьего образования [3].

¹ **Матвеев Олег Владимирович** — д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Традиционным направлением в 2000-е гг. школы осталась социально-экономическая история казачества Кубани, которую В.Н. Ратушняк развивал вместе со своими учениками и коллегами [4]. Так, в 2002 г. была защищена под руководством ученого диссертация А.Н. Малукало «Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: формирование, система управления и функционирования, социально-экономический статус», которая во многом подвела итоги развития этого направления. Выводы диссертации отличались новизной, позволяли пересмотреть некоторые сложившиеся стереотипы. К примеру, А.Н. Малукало подсчитал, что каждый станичник Кубанского казачьего войска ежегодно выполнял повинности, стоимость которых равнялась стоимости двух средних домов. Приведя эти цифры, А.Н. Малукало вообще считал неправомерным говорить о казачестве как о «полупривилегированном» сословии или «привилегированном крестьянстве» [5]. К сожалению, это яркий и перспективный исследователь после защиты диссертации отошел от научных изысканий. Экономическую проблематику казачества успешно развивали ученики В.Н. Ратушняка Е.А. Симанович, А.А. Оборнев, Е.В. Синчина и др. [6]; сам ученый выполнил ряд новых исследований, посвященных анализу казачьего хозяйства в начале XX века.

Значительное внимание школой В.Н. Ратушняка уделялось военной истории кубанского казачества. Здесь следует отметить книги и статьи Ю.Г. Бузуна об участии кубанцев в Первой мировой войне [7], работы Б.Е. Фролова об участии черноморских и кубанских казаков в различных войнах, их вооружении и снаряжении [8], докторскую диссертацию, книги и статьи А.А. Черкасова о Гражданской войне [9], тандем Б.Е. Фролова и О.В. Матвеева, вылившийся в ряд книг по истории подразделений Кубанского казачьего войска, пластунов и обобщенной военной истории казачества Кубани [10].

Школа активно задействовала новые направления развития исторической науки. Так, военно-антропологическое направление связано с монографиями, статьями и докторской диссертацией О.В. Матвеева [11], персональная история — с диссертацией и статьями О.Б. Ключкова об атамане Г.А. Рашпиле [12], книгой Б.Е. Фролова о З.А. Чепеге [13], диссертацией О.В. Гордейчук об атамане Н.Н. Кармалине (науч. рук. Л.М. Галутво) [14], история повседневности казачьих офицеров — с диссертацией А.В. Гайворонской (науч. рук. О.В. Матвеев) [15], демографическая история — с докторскими диссертациями В.Н. Ракачева и М.Ю. Макаренко [16], интеллектуальная история — с диссертацией О.Н. Хвостенко (науч. рук. А.М. Авраменко) о наследии казачьего историка П.П. Короленко [17], диссертацией и монографией С.Г. Бойчук (науч. рук. Л.М. Галутво) о Е.Д. Фелицыне [18], с работами О.В. Матвеева по полковой историографии Кубанского казачьего войска [19]. История казачьего образования исследовалась в диссертации Е.В. Манузина [20], к сожалению, недавно ушедшего из жизни [21], конфессиональная история — в диссертациях и работах Е.Н. Кумпан, С.Н. Рыбко (Гетманской), А.И. Зудина (науч. рук. О.В. Матвеев) [22], в статьях и книгах М.Ю. Горожаниной [23], О.В. Матвеева [24]. Итоги исследовательских усилий школы В.Н. Ратушняка представлены в обобщающей коллективной монографии «История Кубанского казачества» (Краснодар, 2013), в «Энциклопедии кубанского казачества» (2011, 2013). Профессор В.Н. Ратушняк и его соратники (П.П. Матющенко, Б.Е. Фролов, О.В. Матвеев, О.В. Ратушняк) написали ряд учебников по истории кубанского казачества для системы казачьего образования [25].

Из среды близких к Школе самостоятельных исследователей-казаковедов Кубанского государственного университета следует назвать профессора О.В. Ратушняка, успешно осваивающего направление изучения казачьего зарубежья [26],

и профессора А.В. Баранова, изучающего 1920-е годы в жизни кубанских казаков [27]. Представляют немалый интерес и исследования в том же направлении профессора Ю.А. Яхутля [28].

Не менее значимой предстает роль школы профессора Н.И. Бондаря в изучении традиционной культуры кубанского казачества. Организатор ежегодных фольклорно-этнографических обследований края, создатель уникального архива аудио- и видеозаписей, сделанных в кубанских станицах и хуторах на протяжении более сорока лет, руководитель Научно-исследовательского центра традиционной культуры при ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», он сумел придать изучению обрядов, норм, системы ценностей, устного народного творчества невиданный прежде масштаб, академический и системный характер [29]. Его перу принадлежит монография «Календарные праздники и обряды кубанского казачества», выдержавшая два издания, книга «Древо жизни. Этнография, антропология, семиотика» (2019), учебные пособия и многочисленные статьи [30]. Ученики Н.И. Бондаря развивали в своих работах исследование отдельных направлений духовного наследия кубанского казачества: М.В. Семенцов — народной медицины [31], А.Н. Мануйлов — соционормативной культуры кубанских казаков [32], С.А. Жиганова — музыкального фольклора и обрядов жизненного цикла [33], В.В. Воронин — народной прозы, детской и молодежной субкультуры [34], О.В. Матвеев — устной истории и материальной культуры [35], А.И. Зудин — обрядов жизненного цикла и окказиональной обрядности [36], И.А. Кузнецова — похоронной обрядности и народной религиозности [37] и др. Коллектив выступил организатором ряда научных конференций, выпустил немало научных сборников и коллективных монографий. Среди последних — два тома «Очерков традиционной культуры казачеств России», интегрировавших усилия казачеведов из многих регионов [38], а также продолжающаяся фундаментальная серия «История,

этнография, фольклор Кубани»: вышло уже 5 томов, посвященных Кореновскому, Горячеключевскому, Усть-Лабинскому, Темрюкскому и Отрадненскому районам Краснодарского края [39], на выходе том по Ленинградскому району.

Среди центров изучения культуры кубанского казачества следует назвать также Краснодарский государственный университет культуры, где активно ведется изучение материальной культуры кубанского казачества, — это направление курирует автор ряда монографий и статей о костюме, традиционном жилище и декоративно-прикладном искусстве кубанцев профессор Н.А. Гангур [40]. Следует назвать здесь и профессора института В.К. Чумаченко, долгие годы изучавшего литературную традицию кубанских казаков [41], А.И. Слуцкого, исследовавшего историю книжного дела кубанцев, Е.Г. Вакуленко, создавшую целую школу народного декоративно-прикладного искусства, и др. Сложилась здесь своя школа и у профессора Б.А. Трѣхбратова, известного историка революционного движения на Кубани [42], ученики которого активно изучали историографию и культуру кубанского казачества. Среди последних стоит прежде всего выделить работы безвременно ушедшего из жизни Н.А. Тернавского [43].

Партийно-классовые подходы к кубанскому казачеству продолжал развивать в 2000-е гг. профессор Кубанского государственного технологического университета И.Я. Куценко. Дискутируя со школой профессора В.Н. Ратушняка в своих статьях и брошюрах, а также в трехтомной монографии «Победители и побежденные. Кубанское казачество: истории и судьбы» (2010–2017), он сводил социальный статус кубанских казаков к неким «подпомещикам», «императорскому помещному этносу», безжалостно эксплуатирующему иногороднее крестьянство [44]. С уходом из жизни Игоря Яковлевича в 2018 г. это направление, похоже, прекратило свое существование.

Историко-правовое направление в изучении кубанского казачества сложилось в Краснодарском государственном аграрном университете под руководством профессора Л.П. Рассказова. Итоги исследовательских усилий этого коллектива вылились в объемную монографию, изданную в 2013 г. [45].

Интересная и перспективная школа военной истории кубанского казачества сложилась на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков им. А.К. Серова, которую долгие годы возглавляет Владимир Николаевич Бурдун. Под его руководством защищены диссертации сотрудников кафедры А.А. Шахторина о военной подготовке Кубанского казачьего войска во второй половине XIX — начале XX в., В.Н. Желобова об участии кубанского казачества в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., А.Е. Потапова об участии кубанцев в присоединении Средней Азии к России, изданы работы А.Г. Масленникова о Старой линии и А.А. Ключкина о кубанских конных формированиях в Русско-японской войне [46]. Сам Владимир Николаевич успешно занимается историографией участия кубанского казачества в войнах, на выходе его докторская диссертация по этой проблематике [47].

Нельзя не отметить и казачье исследовательское направление школы известного кавказоведа профессора В.Б. Виноградова, перебравшейся после известных событий в Чечне в Армавирский пединститут. Под лозунгом исправления «черноморского» перекоса в изучении кубанского казачества ученые этого коллектива стали проводить конференции, посвященные линейцам, писать отдельные работы и оформлять диссертации. Здесь следует отметить диссертацию, монографию и статьи С.И. Радионова об экономическом развитии линейного казачества Кубани [48], диссертацию и работы А.А. Цыбулькиной о казачках Кубани [49], диссертацию

С.В. Самовтора о казачьей топонимии [50], книги и диссертацию А.В. Дюкарева о казачьих генеалогиях [51] и др. При всех достоинствах этих работ им явно не достает системности, масштаба обработки источников, которые демонстрирует блестящий историк-казачевед из соседнего Ставропольского края В.А. Колесников [52].

Представляется, что казаковедение в Краснодарском крае в первой четверти XXI столетия обогатилось внушительным багажом. Новые и традиционные подходы, судьбы казачества в XIX и XX вв., персоналии, отдельные станицы, этнокультурное развитие и идентичность — изучение этих и других вопросов составляет уже немалое наследие. В 2000-е гг. школы и направления продолжали определенное развитие, дискутировали и взаимодействовали друг с другом, заложив потенциал расширения глубины подходов, преемственности исследовательских усилий, тесной связи с теорией и практикой. В то же время изучение кубанского казачества переживает определенной кризис, связанный с общим отношением к науке и образованию со стороны государства. Беспокойство вызывает старение школ и направлений, уход научной молодежи в другие сферы, где больше возможностей для заработка, бюрократизации казачьего движения, которое ранее во многом служило стимулятором работы ученых.

Примечания

1. Матющенко П.П. Аграрная политика царизма в казачьих областях Северного Кавказа в капиталистический период: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1989. 207 с.; Мальцев В.Н. Социально-экономическое положение Кубанской области в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1993. 261 с.; Галутво Л.М. Общественно-политическая деятельность

- Ф.А. Щербины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1993. 22 с.; *Бондарь В.В.* Войсковой город Екатеринодар (1793–1867 гг.): историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 181 с.; *Сень Д.В.* Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 — конец 1920-х гг.). Краснодар, 1999. 252 с.; *Бузун Ю.Г.* Участие кубанских казачьих подразделений в Первой мировой войне (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 203 с.
2. Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения (к 200-летию основания Екатеринодара и 43 кубанских станиц): тез. докл. науч. конф. / науч. ред. В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. Краснодар, 1992. 145 с.; Казачество в истории России: тез. докл. Междунар. науч. конф. (к 200-летию Екатеринодара-Краснодара и 43 кубанских станиц) / науч. ред. В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. Краснодар, 1993. 257 с.; Кубанское казачество: три века исторического пути. Междунар. науч.-практ. конф. (23–27 сентября 1996 г., ст. Полтавская Краснодарского края) / науч. ред. В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. Краснодар, 1996. 304 с.; Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., ст. Каневская Краснодарского края) / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 1999. 236 с.
  3. Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Сб. научн. ст. / науч. ред., сост. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 1993. 180 с.; *Матвеев О.В., Матющенко П.П.* Историк Валерий Николаевич Ратушняк: к 80-летию со дня рождения: библиографический указатель. Краснодар, 2020. С. 11–13.
  4. *Ратушняк В.Н., Ивченко И.В.* Эволюция земельно-распределительных функций кубанской казачьей общи-

- ны в конце XVIII – начале XX в. // Казачество России: история и современность: тез. Медунар. науч. конф. (г. Геленджик, 8–11 октября, 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 126–129; *Ратушняк В.Н.* Отечественная историография заселения и освоения казачеством прикубанских степей в конце XVIII – первой половине XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. С. 6–18; *Ратушняк В.Н., Кумпан В.А.* Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики (Очерки социально-экономического развития. Начало и конец XX века). Краснодар, 2007. 261 с.; *Ратушняк В.Н.* Экономическое положение казачьих хозяйств Кубани в годы Первой мировой войны // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тез. Всерос. науч. конф. (28–29 сентября 2010 г.) / редкол.: Г.Г. Матишов (отв. ред.) и др. Ростов н/Д., 2010. С. 69–72; *Ратушняк В.Н.* Социально-экономическое развитие кубанского казачества в 1900–1913 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. 2011. № 5. С. 33–38 и др.
5. *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1864–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. С. 128.
  6. *Симанович Е.А.* Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. 1914 г.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 223 с.; *Оборнев А.А.* Экономическое развитие г. Екатеринодара в пореформенный период: 1867–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 206 с.; *Синчина Е.В.* Незерновое земледельческое производство Кубани, Черноморья и Ставрополя и его роль в экономическом развитии региона в 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017. 234 с.

7. Бузун Ю.Г. Кубанское казачество в годы Первой мировой войны: во славу и защиту Отечества. Краснодар, 2014. 270 с.
8. См.: Матвеев О.В. Народное достояние Кубани // Борис Ефимович Фролов: к 70-летию со дня рождения: библиографический указатель. Краснодар, 2018. С. 10–21.
9. Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007. 368 с.
10. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. — 1917). Краснодар, 2000. 235 с.; *Их же*. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...»: (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2005. 216 с.; *Их же*. Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества российскому государству / науч. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2007. 388 с.; *Их же*. Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыша: вопросы военной истории казачества Кубани конца XVIII — начала XX столетия. Краснодар, 2012. 456 с.; *Их же*. Кубанские пластуны: XIX — начало XX в. Краснодар, 2018. 304 с.
11. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. 417 с.; *Его же*. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII — начало XX в.): дис. ... докт. ист. наук. [Место защиты: ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»]. Краснодар, 2009. 618 с.
12. Клочкив О.Б. Генерал Г.А. Рашпиль и его военно-политическая и государственно-административная деятельность

- в контексте интеграции горских сообществ в Российскую империю: монография. Славянск-на-Кубани, 2009. 181 с.
13. *Фролов Б.Е.* Атаман Захарий Чепега. Краснодар, 2006. 160 с.
  14. *Гордейчук О.В.* Кубанская область в период управления Н.Н. Кармалиным: дис. ... канд. ист. наук. [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2007. 206 с.
  15. *Гайворонская А.В.* Социокультурный облик офицеров Кубанского казачьего войска (1860–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2013. 216 с.
  16. *Макаренко М.Ю.* Население Северного Кавказа в конце XIX — первой четверти XX века: историко-демографическое исследование: дис. ... докт. ист. наук. [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2011. 391 с.; *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование: дис. ... докт. ист. наук. [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2017. 499 с.
  17. *Хвостенко О.Н.* Историко-литературная и общественная деятельность П.П. Короленко: 1834–1913 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 237 с.
  18. *Бойчук С.Г.* Евгений Дмитриевич Фелицын: общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына (1848–1903). Краснодар, 2010. 174 с.
  19. *Матвеев О.В.* Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. 249 с.; *Его же.* Кубанское казачество: историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар, 2019. 384 с.
  20. *Манузин Е.В.* Образование и воспитание Кубанского казачества в XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 196 с.
  21. Научный семинар памяти Евгения Викторовича Манузина // Кубанский государственный университет. URL: <http://sgpi.ru/?n=8322> (дата обращения: 12.11.2021).

22. Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 258 с.; Зудин А.И. Старообрядчество на Кубани в конце XVIII – начале XX веков: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. Краснодар, 2009. 210 с.; Рыбко С.Н. Деятельность Русской православной церкви в Кубанской области (1860–1917 гг.): управление, церковная жизнь, духовное образование, просвещение: дис. ... канд. ист. наук. [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2011. 209 с.
23. Горожанина М.Ю. Просветитель Черномории Кирилл Росинский. Краснодар, 2005. 352 с.; *Ее же*. История православия на Кубани. Краснодар, 2021. 483 с.
24. Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. 302 с.; *Его же*. Некоторые итоги и перспективы изучения конфессиональной истории славянского населения Северо-Западного Кавказа // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар, 2012. С. 14–30; *Его же*. Из истории религиозной жизни славянского населения Кубанско-Лабинского междуречья // Историко-культурное и цивилизационное значение славянской письменности. Мат-лы Восьмых науч. чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 22 мая 2015 г.) / отв. ред. Б.М. Берсиров; ред.-сост. Н.Н. Денисова, Г.Б. Луганская. Майкоп, 2015. С. 203–218 и др.
25. Матвеев О.В. История Кубанского казачества. 5 класс: учебн. для 5 кл. учреждений доп. образования детей и классов казачьей направл. Краснодар, 2007. 157 с.; Ратушняк В.Н., Фролов Б.Е. История Кубанского казаче-

- ства: учеб. для 6 кл. школ, классов и групп казачьей направл. образовательных учреждений Краснодарского края. Краснодар, 2008. 173; *Ратушняк В.Н., Ратушняк О.В.* История Кубанского казачества: учебн. для 7 кл. Краснодар: Традиция, 2009. 224 с.; *Матвеев О.В.* История кубанского казачества: учеб. для 8 класса. Краснодар, 2009. 252 с. *Матющенко П.П., Чёрный В.И.* История Кубанского казачества: учеб. для 9 кл. учреждений доп. обр. детей и классов казачьей направл. Краснодар, 2010. 240 с. и др.
26. *Ратушняк О.В.* Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. 246 с.; *Его же.* Казачье зарубежье в 1940–1960-е гг. Краснодар, 2017. 300 с.
27. *Баранов А.В.* Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125; *Его же.* Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2018. № 3. С. 80–89; *Его же.* Кубанское казачество и советская власть в 1920–1921 гг.: причины эскалации конфликта // Казачество в конце XIX — начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.) / под общ. ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д., 2019. С. 92–98 и др.
28. *Яхутль Ю.А.* Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг.: на примере Кубани и Дона: дис. ... докт. ист. наук. [Место защиты: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»]. Краснодар, 2020. 580 с.
29. См.: *Фольклор и этнография народов Юга России и Северного Кавказа (к 70-летию Н.И. Бондаря): научно-методи-*

ческие материалы / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2019. С. 3–97.

30. *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы / ред.-сост. Н.И. Кирей, О.В. Матвеев, М.В. Семенцов. Краснодар, 1999. 148 с.; *Бондарь Н.И., Жиганова С.А.* Фольклор и этнография кубанского казачества: учеб. пос. Краснодар, 2009. 128 с.; *Бондарь Н.И.* Календарные праздники и обряды кубанского казачества. 2-е изд., испр. Краснодар, 2011. 376 с.; *Его же.* Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019. 528 с. и др.
31. См.: *Матвеев О.В.* Памяти кубанского этнографа // *Голос минувшего.* Кубанский исторический журнал. 2017. № 1–2. С. 198–212.
32. *Мануйлов А.Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007. 246 с.
33. *Жиганова С.А.* Кубанская свадьба как музыкально-этнографическая традиция позднего формирования: дис. ... канд. искусствовед. [Место защиты: Рос. акад. музыки им. Гнесиных]. М., 2008. 216 с.
34. *Воронин В.В.* Народная христианская легенда в фольклоре Кубани // *Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе.* Сб. научн. ст. / ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов н/Д., 2000. С. 160–164; *Кубанские народные сказки и легенды* / сост. В.В. Воронин. Краснодар, 2001. 56 с.; *Воронин В.В.* Предания о заселении и освоении территории в устнопрозаическом фольклоре кубанских казаков // *Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры* / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. С. 268–278; *Его же.* Отец в семье кубанских казаков: статус и функции // *Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества* / научн. ред., сост.

О.В. Матвеев. Краснодар, 2003. С. 174–184; *Его же*. Повседневный застольный этикет кубанских казаков // Сбережение народа: традиционная народная культура. Мат-лы науч.-практ. конф. (Краснодар, 8–9 июня 2007 г.). Краснодар, 2007. С. 163–171; *Его же*. Христианские легенды. Краснодар, 2010. 111 с.; *Его же*. Кубанская семья: прошлое и современность // Традиционная народная культура и современность: проблемы сохранения и возвращения в жизнь: мат-лы науч.-практ. конф. (Краснодар, 29–30 ноября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 108–121 и др.

35. См.: *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. — 1917 г.). Краснодар, 2000; *Хлынина Т.П.* Система координат [Рец. на книгу О.В. Матвеева «Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.): категории воинской ментальности»] // Кубанский сборник. Краснодар, 2007. Т. 2 (23) / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. С. 488–491; *Дударев С.Л.* К вопросу об особенностях менталитета и обычаев казачества в свете взаимоотношений с горцами // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: мат-лы Седьмой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. / под ред. Н.Н. Велюхой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2010. С. 170–172; Ратушняк В.Н. Путь в науку. К 50-летию профессора Олега Владимировича Матвеева // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: мат-лы III Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред., сост. А.И. Зудин. Краснодар, 2015. С. 237–241; *Дударев С.Л.* Еще раз о дефиниции «Кавказская война» // Российская государственность в судьбах народов Кавказа. VIII. Мат-лы регион. научно-практ. конф. (Пятигорск, 19–20 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю.Ю. Клычников. Пятигорск, 2015.

- С. 70–75; *Великая Н.Н.* Земляки и соседи: четверть века спустя // Проблемы археологии и истории Кавказа и Европы (к 70-летию С.Л. Дударева): Межд. сб. научн. ст. Армавир: АГПУ; Ставрополь, 2021. С. 169–172.
36. *Зудин А.И.* Вдовы в системе общинных отношений и представлений кубанских казаков // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря: науч.-метод. мат-лы / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 214–224; *Его же.* К вопросу о формировании и трансформации идентичности казаков-некрасовцев // Традиционная народная культура и современность: проблемы сохранения и возвращения в жизнь: мат-лы науч.-практ. конф. (Краснодар, 29–30 ноября 2011 г.) / научн. ред., сост.: Н.И. Бондарь, В.В. Воронин, А.И. Зудин. Краснодар, 2011. С. 180–201; *Его же.* Поверья и ритуальные действия, связанные с обеспечением «вóда» домашних животных, в традиционной культуре восточнославянского населения Кубани // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7 / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2013. С. 252–269; *Его же.* Животноводческий обрядовый комплекс в традиционной культуре восточнославянского населения Кубани: опыт субрегионального исследования // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Краснодар, 2013. С. 366–385; *Его же.* Свадебная обрядность станицы Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края // Фольклор и этнография народов Юга России и Северного Кавказа (к 70-летию Н.И. Бондаря): науч.-метод. мат-лы / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2019. С. 227–252 и др.
37. *Кузнецова И.А.* День святого Спиридона (об одной локальной традиции) // Христианство и христианская культура

в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Сб. научн. ст. / ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов н/Д., 2000. С. 26–249; *Ее же*. Частная молитва в семейной традиции восточнославянского населения Кубани (по материалам полевых исследований) // Православие, традиционная культура, просвещение / научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, М.В. Семенов. Краснодар, 2000. С. 48–53; *Ее же*. Священная история в устной традиции кубанских казаков (по современным полевым исследованиям) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. С. 254–267; *Ее же*. Христианские эсхатологические представления в современной традиции кубанских станиц // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2003. С. 161–168; *Ее же*. Оценочные суждения в нарративах об умирании // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар, 2005. С. 146–154; *Ее же*. Динамика обычаев восточнославянского населения Кубани, связанных с погребением усопшего, и православная антропология // Сбережение народа: традиционная народная культура: мат-лы науч.-практ. конф. (Краснодар, 8–9 июня 2007 г.) / научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев. Краснодар, 2007. С. 201–206; *Ее же*. Некоторые аспекты традиции поминовения усопших у восточнославянского сельского православного населения Кубани в XX веке // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 113–118; *Её же*. Некоторые аспекты повседневной жизни приходского станичного священника

Кубанской области (вторая половина XIX — начало XX в.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 179–189; *Ее же*. Тема смерти, посмертного определения и Страшного суда в современных духовных стихах, исполняемых на Кубани // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря: науч.-метод. мат-лы / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 259–268; *Ее же*. Рассказы о снах как источник представлений о посмертном существовании души // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию славянской письменности (16 ноября 2013 г., г. Краснодар) / научн. ред., сост. Э.Г. Вартастьян. О.В. Матвеев. Краснодар. 2013. С. 51–60.

38. Очерки традиционной культуры казачества России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. 590 с.; Т. 2. М.; Краснодар, 2005. 632 с.
39. История, этнография, фольклор Кубани. Т. I. Кореновский р-н (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): к 50-летию творческой деятельности Виктора Гавриловича Захарченко / науч. ред., сост. И.И. Бондарь, А.И. Зудин. Краснодар, 2015. 332 с.; История, этнография, фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. II: Горячеключевской район: К 50-летию профессора Олега Владимировича Матвеева / науч. ред., состав. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ижевск, 2016. 368 с.; История, этнография и фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): в 3 т. Т. III: Усть-Лабинский район / научн. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Майкоп, 2018. 452 с.; История, этнография, фольклор Кубани. Т. IV. Темрюкский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической

- экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов н/Д., 2019. 472 с.; История, этнография, фольклор Кубани. Т. V. Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов н/Д., 2020. 472 с.
40. *Гангур Н.А.* Материальная культура Кубанского казачества: в 2 т. Краснодар, 2009. Т. I. 288 с.; Т. II. 272 с.; *Гангур Н.А., Шаповалова А.В.* Традиционный костюм черноморского казачества (конец XVIII в. — 1860 г.). Краснодар, 2011. 224 с.; *Гангур Н.А., Шарпова М.В.* Традиции и мода в костюме кубанского казачества. Краснодар, 2014. 352 с.
41. *Авраменко А.М.* Памяти кубанского краеведа: к 65-летию со дня рождения Виктора Кирилловича Чумаченко (26 марта 1956 г. — 5 декабря 2017 г.) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. IX: мат-лы Межрегион. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2021. С. 369–375.
42. См.: *Трѣхбратов Б.А.* Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1989 129 с.
43. *Тернавский Н.А.* Культура кубанского казачества в конце XVIII — начале XX в.: общие черты, этнические и региональные особенности: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 195 с.; *Его же.* Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар, 2005. 174 с.; *Его же.* Войсковой судья Антон Головатый: ист. очерк. Краснодар, 2005. 57 с. и др.
44. *Куценко И.Я.* Победители и побежденные. Кубанское казачество: истории и судьбы. Кн. 1. Императорский помещенный этнос. Краснодар, 2010. С. 383.
45. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. — начало XXI в.): монография / Л.П. Рассказов [и др.]; под ред. Л.П. Рассказова, 2013. 624 с.

46. *Шахторин А.А.* Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX — начале XX в. Краснодар, 2008. 213 с.; *Желобов В.Н.* Кубанское казачество в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Краснодар, 2018. 150 с.; *Потапов А.Е.* Участие кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России (70–90-е годы XIX века): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2020. 268 с. и др.
47. *Бурдун В.Н.* Кубанское казачество в войнах второй половины XIX века в освещении дореволюционной отечественной историографии: монография. Краснодар, 2013. 169 с.
48. *Радионов С.И.* Основные тенденции экономического развития линейного казачества Кубани (1794–1860 гг.). Армавир, 2011. 200 с.
49. *Цыбулькиова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII — середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. 210 с.
50. *Самовтор С.В.* Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани: конец XVIII — начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. Ставрополь, 2008. 189 с.
51. *Дюкарев А.В.* Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2017. 211 с.
52. *Матвеев О.В.* Урок краеведам и историкам // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7 / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2013. С. 342–349.

А. П. Скорик¹

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В 1920–1930-е гг. (критерии, факты, оценки)

В процессе изучения казачества 1920–1930-х гг. важно понять, что же представляло собой казачество Юга России к моменту глобального социального раскола 1917–1920 гг. Три основные группы казачества (донское, кубанское, терское) тогда заметно различались между собой. Попробуем разобраться более детально в этом вопросе, чтобы точнее оценить изменения, произошедшие в результате социальной модернизации казачества в первые два десятилетия советской власти.

На обозначенном историческом рубеже XIX–XX вв. до глобального социального раскола 1917–1920 гг. донские казаки в нашем понимании – это социально-этническое сообщество подданных Российской империи, представлявшее коренное население исторического региона Дона, по национальному составу преимущественно великоросского происхождения, отличавшееся донским говором, разделявшееся на группы верховых и низовых казаков, обладавшее юридически закрепленными сословными привилегиями, характеризовавшееся знаковыми особенностями культуры и быта, выполнявшее обязанности воинской службы в составе казачьих кавалерийских частей русской армии, формируемых в пределах обособленного казачьего административно-территориального образования – Области войска Донского. Такое определение

¹ Скорик Александр Павлович — д-р ист. наук, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова (г. Новочеркасск).

донских казаков имеет четкую региональную и хронологическую привязку и не может быть распространено на другие исторические эпохи. Более того, в советские времена указанные сущностные черты донских казаков заметно трансформируются.

Проанализируем основные критериальные признаки предложенного авторского определения казачества. Во-первых, первый признак подданства Российской империи не вызывает особых сомнений: три основные группы казачества Юга России (донское, кубанское и терское) входили в состав Российской империи, хотя за пределами страны проживали отдельные небольшие группы казаков, наиболее известными из которых считаются казаки-некрасовцы, укоренившиеся на берегу озера Майнос в Османской империи. Мы употребляем формулировку «социально-этническое сообщество» и акцентируем внимание на двух базисных характеристиках казачества: социальной и этнической, тесно переплетающихся между собой, но нередко попадающих в поле бескомпромиссных исторических дискуссий. Сословный статус донского казачества окончательно закрепляется «Положением об управлении Донского Войска», Высочайше утвержденным 6 мая 1835 г. Соответственно сословный статус черноморского казачества (основной части будущего кубанского казачества) окончательно закрепляется «Положением о Черноморском казачьем Войске», Высочайше утвержденным 1 июля 1842 г. Так же сословный статус терского казачества окончательно закрепляется «Положением о Кавказском линейном казачьем войске», Высочайше утвержденным 14 февраля 1845 г.

По национальному составу три основные группы казачества Юга России заметно отличались: они различались как по общей численности, так и по внутригрупповому делению. В составе донского казачества преобладал великорусский компонент, донские казаки традиционно делились на

группы верховых и низовых казаков, хотя если внимательно присмотреться, то можно обнаружить и иные группы, начиная с тех же донских казаков-калмыков. Кроме того, нельзя отвергать малороссийское влияние на верховое казачество и на небольшие группы понизовых казаков Приазовья. Тем не менее донской говор (гутор) или донская группа говоров сохраняется и до настоящего времени в станицах и хуторах, хотя и в ограниченных масштабах по сравнению с временами столетней давности. Нельзя также не замечать фрагментарного сбережения донской *балачки* («суржика»). В составе кубанского казачества преобладал малороссийский компонент, кубанские казаки традиционно делились на группы черноморских и линейных казаков (последние по большей мере великоросского происхождения). Если внимательно присмотреться, то можно обнаружить и иные группы, начиная с тех же казаков-некрасовцев, которые возвращаются на Кубань в 1918 г. Кубанская *балачка* поддерживается населением и до настоящего времени, особенно в сельской местности, даже предпринимаются попытки закрепить преподавание этого диалекта в общеобразовательной школе в рамках «Кубановедения», являющегося обязательным предметом в школах Краснодарского края. Однако публичное предложение в 2010 г. группы ученых Кубанского государственного университета ввести преподавание основных дисциплин на *балачке* в школах Краснодарского края не получило поддержки. В составе терского казачества преобладал великорусский компонент при наличии малороссийского влияния, причем среди терских казаков исторически выделялась группа гребенских казаков, и собственно ее отождествляют с терскими казаками, хотя можно обнаружить и иные группы казаков. Кроме гребенцев обнаруживаются низовые терцы, аграханцы, терцы-семейцы, кизлярцы, волгцы, моздокцы, горцы, владикавказцы, сунженцы. Сегодня практически утрачена

горская балачка терских казаков, в диалекте которых филологи прослеживают кабардинское влияние в западных районах исторического расселения терцев, равно как и осетинский лексический след в местах расположения бывших Волжских и Малороссийских полков, а в силу многовекового исторического соседства гребенцов с горцами и степняками в их языке обнаруживается сильное вайнахское и ногайское влияние.

Если донские казаки представляют по большей части коренное население исторического региона Дона, то гораздо сложнее этот вопрос рассматривается в отношении терских казаков, поскольку места их более раннего проживания сегодня прочно заняты другими этническими группами, и в бесконечной исторической дискуссии о коренных народах Северного Кавказа можно увязнуть надолго. Мы же ограничимся упоминанием четырех исторических полковых отделов (Пятигорского, Кизлярского, Сунженского, Моздокского) и шести исторических округов (Нальчикского, Владикавказского, Веденского, Грозненского, Назрановского и Хасавюртовского) Терского казачьего войска с областным центром во Владикавказе. Кубанские казаки стали коренным населением исторического региона Кубани в результате длительного процесса его заселения, начиная с конца XVIII в., хотя их старшинство определяют по старшинству Хопёрского полка с 1696 г., а вот войсковой праздник Кубанского казачьего войска уже в наше время определило Законодательное собрание Краснодарского края, которое установило эту ежегодную памятную дату 12 сентября, в день святого благоверного князя Александра Невского (Закон Краснодарского края от 14 декабря 2006 г. № 1145-КЗ «Об установлении праздничных дней и памятных дат в Краснодарском крае», в редакции Закона Краснодарского края от 29 апреля 2008 г. № 1469-КЗ).

Три основные группы казачества Юга России обладали в Российской империи юридически закрепленными сословными льготами и привилегиями за выполнение обязанностей воинской службы. В частности, в нормативно-правовом порядке казачество освобождалось от несения рекрутской повинности (существовавшей до 1874 г.), ввиду особого порядка несения казаками воинской службы; избавлялось от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора); пользовалось исключительным правом беспошлинной торговли в пределах войсковой территории; брало плату за аренду базаров и ярмарочных мест; осуществляло сбор за право торговли крепкими напитками (до введения винной монополии к началу 1900-х гг. в результате реформы С.Ю. Витте); наделялось особыми правами на пользование войсковыми и юртовыми землями и другими угодьями (лесными, пастбищными, камышовыми, рыбными, соляными и пр.); собирало посаженную плату за землю и другие сборы с иногородних; имело право на установление и взимание арендной платы за землю (зачастую служившей основным источником доходов в пополнении станичной казны); пользовалось своим правом на установление и взимание платы за наем общественных зданий; располагало управленческой самостоятельностью в рамках станичного общественного самоуправления.

И всё же главной сословной привилегией казачества являлось наделение земельным участком (наделом-паем), существенно превосходившим по своим размерам крестьянские наделы. Однако широко известный размер надела-пая в 30 десятин скорее можно назвать устоявшимся в общественном сознании историческим мифом, нежели социальной реальностью. Существовали многоземельные и малоземельные станичные юрты, а, соответственно, в многоземельных станичных казачьих юртах размер надела-пая очень редко

приближался к заветной цифре в 30 десятин и практически нечасто достигал его, а в малоземельных юртах размер надела-пая опускался ниже уровня 10 десятин на одну мужскую душу, но всё равно такой земельный участок заметно превышал крестьянский надел, максимальная величина которого равнялась 4–9 десятинам в Центральной России после реформы 1861 г., причем в качестве отрезков помещику полагалось отделить от 10 до 40 % надела, а минимальная величина крестьянского надела измерялась в 2 десятины. Отметим, казачий надел-пай в станичных юртах Области войска Донского традиционно в нормативно-правовом порядке исчислялся на одну душу мужского пола, а не на семью. И такой порядок наделения землей считался альфой и омегой казачьего мироустройства. В этом, прежде всего, коренились истоки социального противостояния казаков и иногородних. В рамках поиска исторической справедливости подчеркнем, что в период Великой войны (1914–1917 гг.) размер земельного пая из расчета на одну душу мужского пола уменьшился в Кубанской области до 7 десятин [1].

Три основные группы казачества Юга России характеризовались в начале XX в. знаковыми особенностями культуры и быта, о которых можно рассуждать бесконечно и находить весьма занимательные сюжеты. В советские времена это историческое наследие для казаков Юга России составляло, пожалуй, главный отличительный идентифицирующий признак. Среди крупных исследований о Кубани советского времени заслуживает внимания коллективная монография «Кубанские станицы», вобравшая в себя массу конкретно-исторических свидетельств и аналитические материалы [2], осмысление которых и сегодня позволяет существенно дополнить наши представления о кубанском казачестве. В среде терских казаков бытовали «старинные песни», по существу являвшиеся репрезентацией русского былинного эпоса с его известными

героями (Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Дюк Степанович, князь Владимир), но с ними спокойно соседствовала казачья лезгинка «Ойся, ты ойся». А «Терек, любовно и уважительно называемый казаками “батюшка быстрый Терек” или “Терек Горынович”, явился маркером-символом для терских и гребенских казаков, природно-ландшафтной основой их зарождения, средством их выживания в суровых повседневных условиях полиэтнического окружения» [3].

Три основные группы казачества Юга России выполняли обязанности воинской службы в составе казачьих кавалерийских частей русской армии, мобилизуемых на территории трех казачьих областей Российской империи (Область войска Донского, Кубанская область, Терская область). Однако, если донцы (к 1913 г. их численность составляла 1,525 млн человек, из них 30 тыс. казаков-калмыков) формировали исключительно казачьи конные подразделения (прежде всего 56 полков в 1914 г., в том числе 2 гвардейских), и единственным знаковым для них исключением выступала Донская казачья пешая бригада, воевавшая на Кавказском фронте в 1915–1916 гг., то терцы при общей численности казачьего населения в 1914 г. около 260 тыс. человек, кроме 12 конных полков и иных частей, имели в составе своих подразделений 3-ю Терскую казачью конно-горную батарею, 4-ю Терскую казачью пластунскую батарею, 1-й и 2-й Терские пластунские батальоны. По традиции 3-я и 4-я сотни собственного Его Императорского Величества конвоя также формировались из терских казаков. Кубанские казаки в 1916 г. насчитывали 1,37 млн человек (43 % населения Кубанской области), и среди их подразделений, кроме 41 конного полка (из них 2 горских) и иных частей, значились 1 пластунский полк и 27 пластунских батальонов. Предметом особой гордости кубанцев были 1-я и 2-я сотни собственного Его Императорского Величества конвоя.

Итак, в определении казачества Юга России на историческом рубеже XIX–XX вв. обнаруживается 10 критериальных идентифицирующих признаков. Три основные группы казачества Юга России (донское, кубанское, терское) могут быть по ним определены на основе общего парадигмального подхода, но содержательные характеристики каждого из признаков для каждой из трех групп будут заметно отличаться. Первые два десятилетия советской власти сглаживают эти отличия, сокращают количество критериальных признаков, унифицируют реальное положение трех основных групп казачества Юга России, изменяют социально-правовой статус казачества.

К середине 1930-х гг. казачество Юга России — это этнокультурная общность из числа советских граждан, представлявшая коренное население исторического макрорегиона, не акцентирующая внимание на своем национальном происхождении, характеризующаяся некоторыми особенностями языка, материальной и духовной культуры, относящаяся по своему социально-правовому статусу преимущественно к советскому колхозному крестьянству. «Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» — подчеркивалось в передовой статье газеты «Правда» «Советские казаки» [4], считающейся прологом кампании «За советское казачество», которая была развернута в середине 1930-х гг. и сопровождалась формированием казачьих кавалерийских дивизий. Она кардинально ничего не изменила, поскольку не восстановила военно-служилый сословный статус казаков и не возобновила обособленное положение казачьих регионов. Однако было бы несправедливо вовсе не замечать, что перспективный социально-политический проект «советское казачество» позволил сохранить казачьи обычаи и тради-

ции не только в известных романах гениального донского писателя М.А. Шолохова, но и в реальной жизни. Благодаря кампании «За советское казачество» удалось смягчить возникший советский разрыв между поколениями казаков, хотя в судьбах старших поколений вместились и императорская Россия, и Гражданская война, и социалистическое строительство, и смертельная схватка с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Именно в этом мощном водовороте событий загорелась социальная звезда потомственного донского казака Константина Иосифовича Недорубова, полного Георгиевского кавалера, Героя Советского Союза, гвардии капитана, командира 4-го эскадрона 42-го гвардейского казачьего кавалерийского полка 11-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской Волновахской Краснознамённой, ордена Богдана Хмельницкого дивизии 5-го гвардейского кавалерийского Будапештского Краснознаменного Донского казачьего корпуса. Сложная человеческая судьба К.И. Недорубова представляет собой лишь самую вершину айсберга во множестве жизненных траекторий сотен тысяч казаков, ставших на сторону советской власти, несмотря на мощные волны репрессалий, захлестывавших казачьи регионы, ибо судьба Отечества для них оказалась важнее, нежели личные обиды и трагедии на почве жестких столкновений с большевистским политическим режимом.

Для понимания внутренних переживаний в казачьей душе тех лет многое дают сохранившиеся немногочисленные образцы эпистолярия. Одним из таких эго-документов изучаемой исторической эпохи для нас стало письмо донской казачки на фронт своему мужу, любезно предоставленное нам из семейного архива известным донским краеведом Валерием Александровичем Дроновым. Письмо получил и сохранил командир расчета 76-мм пушки, сержант А.Т. Дронов, воевавший под Ленинградом. В письме от супруги Гавринёвой

(Дроновой) Анны Алексеевны описывается жизнь в дни оккупации в хуторе Лопатинском Верхнедонского района Ростовской области и упоминаются отчим фронтовика Николай Матвеевич Гавринёв и 5-летний сын младшего командира Красной армии Владимир. Вот текст письма:

«Мы, Шурушка, остались живы и не знаем как. За что нас Бог покарал? За хутором схоронились красноармейцы. Фашисты Матвеевича заставляли искать, чтобы привел их на расправу. Сами-то боялись лезть в бурьяны. Знали станичники, что дедушка еще раньше нашел бойцов, предупредил их: “Сидите, не ворочайтесь, не шевелите лопухи”. Хитрил, как куропатка, стал разворачивать кусты да бурьян, итить всё дальше и дальше от красноармейцев. А когда перешел яр, то немцы стали стрелять в него, горланить: “Ком, ком!” Подошел — схватили, кричат: “Партизан, коммунист”. Господи, какой с него коммунист. Соседка, как услышала эти слова, то и поминки справила по Матвеевичу, но Бог миловал. Хотели изверги-немцы дедушку нашего застрелить, а мы с внучечком Володюшкой заслонили его, стали впереди и кричим: “Стреляй, супостат, всех. Помирать, так вместе, казаки не боятся смерти”. Ихний старшой, как услышал, что мы казаки, то начал быстро-быстро рывкать на своем собачьем языке. На меня буркалы вытаращил, шею вытянул, как гусак, гогочет: “Козачка. О! Зи ист козачка, баба ист козачка”. — “Не козачка, гитарю, а казачка я донская, все мы казаки”. Они, подлюги, заливаются, им смех. Старшой опустил пистолет, цокнул своим жабьим языком, вражняка, пальцами щелкает: “Гут, гут”, говорит, — и уехали. Долго мы не могли в себя придти. Я никак внучка не угомоню, напужался, заикается, тут дедушка расплакался, шутка ли дело, под пулей стоять.

Потеха была опосля, когда немцы скрылись. К нам во двор понабежали хуторские, и стар, и млад. Они, оказывается, всё видали. Сначала плакали, нас жалеючи, а потом подняли

меня на смех: “Зи ист козачка, зи ист козачка!” И когда научились гутарить на этом противном языке? И горе, и плач, и смех...

Ой, расписалась я нонича, ажник рука болит, а хочется тебе всё рассказать. Мы, казаки, не такое переживали, переживем и эту напасть, кару Господнюю».

Казалось бы, процитированный нами эго-документ содержит исключительно личностные свидетельства о бытовых мелочах, объединенных трагикомическим случаем из хуторской жизни времен фашистской оккупации, но в нем есть четыре вещи, на которые хотелось бы обратить особое внимание. Во-первых, прозвучавшую самоидентификацию из уст хуторян, оказавшихся в сложной жизненной ситуации и четко отнесших себя к донским казакам. Во-вторых, несколько неожиданную реакцию оккупантов на резкое заявление донской казачки, быстро свернувших свои поиски прячущихся от них красноармейцев. Действительно, фашисты придерживались теории о том, что казаки, в отличие от других русских, являлись потомками готов, а значит, принадлежали не к славянской, а к арийской расе, поэтому с казаками надо сотрудничать и привлекать их к формированию казачьих частей в составе вермахта. В-третьих, контекстуальный общественный водораздел между казаками и коммунистами, предметно проявившийся в небольшой, вскользь сказанной реплике. В-четвёртых, социально-этническое отношение казачки к тяжелым жизненным ситуациям: «Мы, казаки, не такое переживали, переживем и эту напасть, кару Господнюю».

Первые два советских десятилетия в истории трех основных групп казачества Юга России как раз и представляли сочетание тяжелых жизненных ситуаций и компромисса с политическим режимом большевиков и советской властью. Именно характер взаимоотношений казаков и властей, на наш взгляд, может лежать в основе периодизации рассматриваемого

периода истории казачества. В процессе историоризации хронологически очерченного периода мы фиксируем дважды повторяющийся исторический алгоритм в течение двух десятилетий. Начало десятилетия, когда советская власть более склонна проводить репрессии, середина десятилетия, когда большевики активно ищут социальный компромисс с казачеством (кампании «Лицом к казачеству» и кампания «За советское казачество»), вторая половина десятилетия, когда наблюдается относительно мирное взаимодействие, хотя отдельные репрессивные акции в отношении казаков имеют место быть. Однако в общей логике исторических событий нельзя не замечать трагической депортации в 1920 г. терских казаков в пользу горцев из Чечни и Ингушетии, сопровождавшуюся переименованием целого ряда казачьих станиц, а также жестокого слома «кулацкого саботажа» в кубанских станицах 1932 г., хотя в оценке этих непростых событий важно избежать негативных исторических перегибов, что мы и попытались сделать в одной из своих недавних работ [5].

Сами казаки живо реагировали на исторические развороты власти в их сторону. К примеру, терские казаки станицы Горячеводской в ходе празднования столетия своей станицы приняли советского лидера И.В. Сталина в почетные казаки [6]. Весьма примечательный ответ этого главного большевика последовал терским казакам 18 августа 1925 г., который мы лично прочли в архивных материалах: «Казачеству Горячеводской станицы Терского округа. Примите братскую благодарность за оказанное вами доверие. Клянусь служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны» [7]. Казалось бы, при чём тут рабочий класс?! Но Сталин отвечает в духе пропагандистских штампов Гражданской войны при обращении политотдельцев РККА к казакам. К примеру, вот как текстуально завершается

обращение в 1921 г. политотдела 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени М.Ф. Блинова (направленной на Дон для борьбы с бандитизмом) к населению 2-го Донского округа, в подавляющем большинстве состоявшего из донских казаков: «Да здравствует тесный братский союз тружеников: крестьянина, рабочего и красноармейца!!!» [8]. Из процитированного ответа вождя на специальную грамоту, подтверждавшую его принадлежность к терским казакам, также ясно, что «верой и правдой» Сталин будет служить прежде всего рабочему классу, а казаки не очень-то вписываются в такой формат, разве что они находятся где-то в составе трудящихся «нашей великой страны», эти бывшие «сатрапы» и «нагаечники». Действительно, после Гражданской войны казаки и крестьяне поменялись местами: иногородние нередко третировали казаков, вымещая на них свои обиды за прошлое сословное неравенство и угнетение. Как фиксируют архивные источники, «вся обстановка станицы напоминает прежнюю “вольную казачью жизнь” и подчеркивает победу “мужика”, чумазого-иногороднего» [9].

В рамках реализации проказачьих инициатив большевиков 1925 г. «казачество проявило бурную активность» и «ухватилось за советы как органы политической власти» [10], не исключая и казаков старшего возраста, ранее отчужденно взиравших на советскую действительность: казаки реально «пошли во власть». Рост электоральной активности казаков повлек за собой существенное увеличение их представительства в органах местного самоуправления. Как отмечал секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов (кстати, выпускник Новочеркасского политехнического института и человек высокообразованный), в его районе «всё активное казачество... попало целиком в советы», так что удельный вес казаков в этих органах власти вырос до 60–70 % [11]. В целом, если в 1924 г. в сельских и станичных советах Донской об-

ласти удельный вес казаков достигал 27,75–29,7 % (крестьян же насчитывалось 63–70,3 %), то в 1925 г. представительство казаков в этих органах возросло до 32,1–37,6 % при одновременном снижении численности крестьян до 62,4 % [12]. Свободные выборы в местные советы 1925 г. проявили мощный политический потенциал казачества на Юге России и породили среди казаков общественные настроения о «скорой кончине советской власти». Поэтому к концу 1926 г. политика большевиков «Лицом к казачеству» практически оказалась свернута, но о контрреволюционности казачества, кулацком саботаже в казачьих регионах широкомасштабно заговорили лишь в 1932 г.

22 октября 1932 г. высший орган большевистской партии — Политбюро ЦК ВКП(б) — принимает решение, направленное на увеличение темпов хлебозаготовок и «слом кулацкого саботажа», мешавший выполнению планов хлебосдачи урожая 1932 г. Для реализации поставленных задач в районах Украины и Северного Кавказа создаются чрезвычайные партийно-государственные комиссии. Северокавказскую чрезвычайную комиссию возглавил ближайший сподвижник И.В. Сталина, первый секретарь Московского городского и одновременно областного комитета ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. В состав северокавказской комиссии вошли видные партийные и советские государственные деятели: заместитель председателя Комитета заготовок при СНК СССР М.А. Чернов; новоиспеченный (с 1 октября 1932 г.) первый нарком Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР, бывший директор (1924–1928 гг.) совхоза «Хуторок» под Армавиром (национализированное имение барона Р.В. Штейнгеля), организатор и бывший первый директор донского зерносовхоза «Гигант» (1928–1930 гг.), кандидат в члены ЦК ВКП(б)

Т.А. Юркин; первый нарком Народного комиссариата снабжения СССР, бывший секретарь Северо-Кавказского крайкома партии (1924–1926 гг.), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян; начальник Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии, первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР (К.Е. Ворошилова) и заместитель председателя Реввоенсовета СССР (К.Е. Ворошилова), член Оргбюро ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник; член Партколлегии ЦК ВКП(б) и коллегии наркомата Рабоче-крестьянской инспекции, один из ключевых организаторов партийных чисток М.Ф. Шкирятов; начальник Секретно-оперативного управления, заместитель председателя ОГПУ СССР (нередко подменявший председателя В.Р. Менжинского, ввиду его болезни), кандидат в члены ЦК ВКП(б) Г.Г. Ягода; первый секретарь ЦК ВЛКСМ, кандидат в члены ЦК ВКП(б) А.В. Косарев. Состав комиссии свидетельствовал о ее чрезвычайных полномочиях, а также о степени важности возникшей проблемы. Кроме того, это было признаком решимости реализовать поставленные задачи. Посланцы политического центра страны резко взялись за дело, чтобы в отведенные двадцать дней выполнить постановление высшего органа правящей партии и волю ее вождя. О многочисленных репрессивных мерах, предпринятых комиссией, когда высшей точкой административного нажима стало выселение населения 15 «чернодосочных» станиц, написано немало. В число «чернодосочных» входили 13 кубанских станиц: Ладожская (ныне станица в Усть-Лабинском р-не Краснодарского края), Медведовская (ныне станица в Тимашевском р-не Краснодарского края), Незамаевская (ныне станица в Павловском р-не Краснодарского края), Новодеревянковская (ныне станица в Каневском р-не Краснодарского края), Новорождественская (ныне станица в Тихорецком р-не Краснодарского края), Платнировская (ныне станица

в Кореновском р-не Краснодарского края), Полтавская (ныне станица и административный центр Красноармейского р-на Краснодарского края), Стародеревянковская (ныне станица в Каневском р-не Краснодарского края), Старокорсунская (ныне станица в Карасунском внутригородском округе Краснодара), Старощербиновская (ныне станица и административный центр Щербиновского р-на Краснодарского края), Темиргоевская (ныне станица в Курганинском р-не Краснодарского края), Уманская (ныне станица Ленинградская, административный центр Ленинградского р-на Краснодарского края), Урупская (ныне станица Советская в Новокубанском р-не Краснодарского края). В число «чернодосочных» станиц входили и две донские станицы: Боковская (ныне станица и административный центр Боковского района Ростовской области) и Мешковская (ныне станица в Верхнедонском р-не Ростовской области).

Мы перечислили все «чернодосочные» станицы, чтобы был виден масштаб административного нажима специальной комиссии Л.М. Кагановича, да и не всегда историки, обращающиеся к этой проблеме, точно указывают все без исключения станицы. Тем не менее отметим наличие историографического интереса к этой репрессивной акции сталинского политического режима [13], ставшей трагическим символом расказачивания в начале 1930-х гг., о чём красноречиво свидетельствует народный фольклор:

Вставай, Ленин, подывись,
Як селяны розжились.
Ой, на хаті серп та молот,
А у хаті смерть та голод.
Ні корови, ні свині, —
Тільки Сталин на стіні.

Смена тактического курса по отношению к казачеству, произведенная советским правительством во второй по-

ловине 1930-х гг., представляла собой вынужденную меру. С одной стороны, не оправдались расчеты большевиков на постепенное растворение казачьих сообществ в однородной и безликой массе колхозного крестьянства. Эти расчеты основывались на признании казачества всего лишь сословием, а не субэтносом, что может считаться верным лишь отчасти; соответственно, если сословные характеристики казачьих сообществ возможно устранить в относительно короткий срок (что и было сделано), то особенности их культуры, быта, менталитета оказались гораздо более устойчивы к разного рода деструктивным воздействиям. С другой стороны, в условиях всё обострявшегося международного положения сталинский режим решил обратиться на благо себе (и Советскому Союзу) сам факт сохранения казаков как особой субэтнической и культурной группы в коллективизированной деревне. Тем самым кампания «За советское казачество», вне всякого сомнения, была обусловлена объективными (сохранение казачества в составе колхозного крестьянства) и субъективными (расчеты и намерения сталинского режима) факторами.

Развернув кампанию «За советское казачество», партийно-советские структуры приложили все усилия к тому, чтобы с максимальной эффективностью использовать экономический и военно-патриотический потенциал казачества для укрепления колхозной системы и повышения обороноспособности страны. И если организационно-хозяйственное укрепление колхозной системы в силу ее внутренних характеристик, не зависящих от казаков, продвигалось медленными темпами, то роль казачьих сообществ Юга России в деле укрепления Красной армии оказалась достаточно велика.

Казачьи сообщества Юга России, к середине 1930-х гг. в подавляющем большинстве ставшие колхозными, в целом активно и добровольно откликнулись на кампанию «За советское казачество». О весьма характерных настроениях

казаков (особенно казачьей молодежи) свидетельствует рассказ начальника клуба «ворошиловских кавалеристов» станции Елизаветинской Азовского района Ростовской области Н.В. Макеева о том, как молодые казаки после занятий пели песню «Дума о Сталине» (как утверждали советские журналисты, она считалась «любимой казачьей песней» в 1930-х гг.):

«Собирались казаченьки на колхозном на дворе,
Думу думали большую раным-рано на заре:
Как бы нам, теперь, ребята, в гости Сталина позвать
И ему, отцу родному, все богатства показать...» [14].

Казаки проявляли готовность защищать советскую Родину, что они и доказали в годы Великой Отечественной войны. В то же время немало представителей казачьих сообществ Дона, Кубани и Терека, чувствуя сохраняющееся недоверие большевиков и не желая забыть причиненные сталинским режимом обиды, остались верны антисоветским (и антиколхозным) настроениям, в чём и коренятся истоки казачьего коллаборационизма.

Следовательно, социальная многомерность южнороссийского казачества в 1930-е гг. заключалась в том, что оно оказалось способно регенерировать свою социальность в новых исторических условиях, сохраняя при этом этнокультурную специфику, несмотря на огульные массовые антиказачьи акции со стороны партийно-советского руководства. В самом южнороссийском казачестве более знакомым, нежели непомерно насаждаемые большевиками и их сторонниками социально-классовые противоречия, стало расслоение на прозелитов советской власти и ее открытых и потенциальных противников. Однако это не помешало основной массе южнороссийского казачества достичь единства перед лицом реальной общенациональной угрозы в годы Великой Отечественной войны, хотя ряд казачьих станиц в 1930-е гг. буквально бредил в отношении ино-

странной военной интервенции, рассчитывая вернуться в историческое прошлое.

Надежды на интервентов как освободителей от сталинского режима питали в это время многие казаки верхнедонских округов, во второй половине 1930-х гг. находившихся в административном подчинении Сталинградской области. Даже четко говорилось о том, кого именно казаки видят в роли интервентов-освободителей: «Скорей бы фашисты покончили с Испанией и взялись за СССР, освободили бы от ига», «Хотя бы скорей Германия и Италия начали войну против СССР и разгромили его», «Скоро будет война. Мы организуем здесь, в тылу, восстания, чтобы скорей свергнуть советскую власть» [15].

В середине 1930-х гг. в рамках колхозной системы появились характерные неологизмы «советское колхозное казачество» и «казаки-колхозники», но для самих казаков втягивание в социалистическое строительство не означало полного отказа от своих казачьих корней. Так, в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Будённому письмо, в котором благодарили «вождей» за проказачьи постановления и обещали верно служить советской власти: «Шлем пламенный привет и Великую любовную благодарность [за] постановления [о] Красной казачьей военной службе. Мы обещаемся и будем при всяких попытках буржуазии защищать наш Советской Союз стойко и крепко и ни одной минуты не бросим в неотпоре». Казалось бы, обычное верноподданническое послание, написанное, правда, весьма безграмотно, но зато вполне искренне. Однако после всех благодарностей и заверений в верности, казаки написали нечто крамольное: «Просим организовать между нами Красно-Казачью Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями»

ми и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах». При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усах казаков — донских, кубанских и [*]вских, (очевидно, терских. — А.С.)» [16].

Таким образом, говорить о завершении формирования советской генерации казачества на Юге России в 1930-е гг. не приходится. И, несмотря на наметившийся разрыв молодых и старших поколений, принудительно проведенную десоловизацию, осуществленные репрессивные антиказачьи акции, колхозное строительство, казачество сохраняло свою этнокультурную сущность и в ментальном плане отграничивалось от соседних этнических групп.

Примечания

1. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. — начало XXI в.): монография / под ред. Л.П. Рассказова. Краснодар, 2013. С. 66.
2. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М., 1967. 356 с.
3. Григорьев А.Ф. Концепт реки Терек в фольклорном сознании гребенских казаков // Власть. 2011. № 9. С. 120.
4. Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля; Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 30.
5. Скорик А.П. Преодоление последствий работы в конце 1932 года специальной комиссии Л.М. Кагановича на Кубани (на примере передового колхоза) // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 74–82.
6. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казак станицы Горячеводской: механизмы сталинской мифологии // Родина. 2010. № 3. С. 113–115.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.

8. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 7628. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.
9. Скорик А.П. Верхнедонские округа и казачье землепользование по архивным документальным источникам в середине 1920-х гг. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Мат-лы одиннадцатой Международной Кубанско-Терской науч.-практ. конф. / под ред. С.Н. Лукаша, А.А. Цыбульниковой. Армавир, 2018. С. 115.
10. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925. С. 18.
11. Там же. С. 18, 19.
12. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61а.
13. Алексеенко И.И. Наказание голодом // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 33–36; Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник: сб. науч. ст. по истории края / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Т. 1 (22). С. 210–224; Кропачёв С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х гг. Краснодар, 1993. 113 с.; Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 3–23; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 315 с.; Ракачёв В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 131–134; Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009. С. 179–183 и др.
14. Макеев Н.В. Ворошиловские кавалеристы // День нашей жизни. Статьи. Заметки. Письма. Документы. (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д., 1940. С. 188.

15. Павлова Т.А. Отношение казачества Сталинградской области к войне с фашистской Германией и его поведение в условиях немецкой оккупации // Клио. 2004. № 4. С. 191.
16. Письмо донских казаков И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Будённому // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002. С. 299.

А.В. Баранов¹

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В СИСТЕМЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1920-х гг.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ²

Цель данной статьи — выяснить основные параметры землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1920–1927 гг., тенденции развития современных исследований темы.

Основная тенденция современных работ о земельных отношениях казачества на Юге России в 1920-х гг. — переход от поверхностных обобщений к специальным исследованиям их исторических детерминант, правовых и фактических форм, направлений развития.

Становление новых методологических подходов к оценке землепользования казаков Юга России в 1920-х гг. проявилось в период перестройки в накоплении информации и пересмотре отдельных оценок прошлого. Так, И.В. Устиновский, давая оценку аграрной политике РКП(б), критиковал попытки создать в 1920–1921 гг. комитеты бедноты, показал особенности системы управления казачьими областями [1]. Ю.И. Верхотуров оценил причины и ход хозяйственных кризисов 1923 и 1925 гг. в регионе [2].

Я.А. Перехов обобщил итоги анализа «казачьей политики» РКП(б) на Дону и Кубани [3]. Он акцентировал поиск согласия власти и общества в партийно-государственной политике

¹ **Баранов Андрей Владимирович** — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

² Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

1920-х гг. С.А. Кислицын аргументировал наличие скрытого «рассказачивания» в политике РКП(б) [4].

Системное осмысление экономических, социальных и политических процессов в многоукладном обществе Юга России 1920-х гг. обосновано в монографиях и статьях А.В. Баранова [5]. Концепцию фрагментарной модернизации южнороссийского общества предложил В.А. Бондарев [6]. Обобщающее исследование экономических и социально-демографических аспектов жизни донского казачества 1920-х гг. провели А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян [7]. Структуру и тенденции развития казачьих и крестьянских хозяйств Юга России исследовали Т.В. Панкова-Козочкина и В.А. Бондарев [8]. Специфика аграрной политики на Кубани раскрыта в работах В.В. Касьянова, Ю.А. Яхутля и др. [9].

Активизировались исследования миграций и этносоциальных проблем Юга России времен нэпа. В работах Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, Е.А. Зуйкиной раскрыты пагубные последствия депортации терских казаков и ущемления прав русского народа [10]. Демографические процессы на Юге России 1920-х гг. освещены М.Ю. Макаренко и В.Н. Ракачёвым [11], В.Р. Истягиным [12].

Своеобразие Юга России ярко проявлялось в структуре землевладения. Если в Европейской России надельное общинное землевладение составляло на 1917 г. 33 % используемых площадей, то в крае — 75 % [13]. Средний надел хозяйства составлял к 1917 г. в Европейской России 4,7 дес.; на Дону — 6,2 дес.; на Кубани — 9,3 дес. земли [14]. Львиная доля фонда землепользования принадлежала казачьим войскам (80,2 % на Дону и 78 % на Кубани) [15]. Терское казачество располагало около 30 % всех земель области и 60 % угодий (обрабатываемых земель) [16]. Мы провели расчет процентных соотношений форм землепользования, абсолютные значения которых выявил И.И. Ульянов. Данные показывают,

что основная часть земель казачьих войск находилась в наделном пользовании станичных обществ.

Весь земельный фонд края состоял на 71,8 % из наделных земель; на 11,9% — из частновладельческих; на 16,3% — из войсковых и др. [17]. Структура землепользования казачьих войск примерно соответствовала общей структуре землепользования региона, что подтверждает земельные преимущества казачества и его системообразующую роль в региональном сообществе.

Тезисы ЦК РКП(б) «О работе на Дону» (сентябрь 1919 г.) и решения I Всероссийского съезда трудовых казаков (февраль 1920 г.) закрепили курс большевистской партии на сохранение паевого землепользования казаков, узаконили раздел только земель из фонда нетрудового пользования. Этот курс был выражен в декретах СНК РСФСР «О строительстве Советской власти в казачьих областях» (25 марта 1920 г.) и «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» (18 ноября 1920 г.) [18]. Предстояло осуществить отмену частной собственности и национализировать землю, обеспечить равенство прав всех национальностей и сословий на пользование наделами, не урезая паи основной массы казачества. Только так можно было умиротворить станицы. Экстремистские предложения части партработников немедленно перераспределить наделы казаков в пользу иногородних, «попридержать землю, чтобы окоммунизировать население» в совхозах на конфискованных частных, церковных и войсковых участках [19], были отвергнуты.

Поиск решения земельного вопроса на Юге России подробно освещен в монографиях П.Г. Чернопицкого и И.В. Устиновского [20], что позволяет ограничиться оценкой дискуссионных аспектов темы. На основании предложений большевиков Юга России после долгого обсуждения ВЦИК и СНК РСФСР приняли 18 ноября 1920 г. декрет «О землеполь-

зовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Распространив на эти территории действие общероссийских законодательных актов, декрет сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания собственными силами (без применения наемного труда), «хотя бы эти размеры и превосходили норму, принятую в данной местности для наделения при землеустройстве». Безземельные и малоземельные жители должны были обеспечиваться из фонда нетрудового пользования по нормам. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов [21]. Декрет отложил уравнительный передел всех земель в пользу неимущих и переселенцев, которыми считались прибывшие после февраля 1918 г. Действие декрета продолжалось до введения в действие Земельного кодекса РСФСР (1 февраля 1923 г.).

Конфискация нетрудовых частновладельческих земель охватила 18,7 % используемых площадей в крае (3964,3 тыс. дес.). К концу 1922 г. 1975,9 тыс. дес. (49,8 % перераспределенного фонда) отошли в пользование индивидуальных хозяйств русских областей. 1303,7 тыс. дес. (32,9 %) составили резерв государственных земельных имуществ. На 389,9 тыс. дес. (9,8 %) были организованы совхозы. 294,7 тыс. дес. (7,5 % земель) находились в распоряжении колхозов [22]. Трудовое землепользование индивидуальных хозяйств возросло за 1920–1922 гг. с 78,9 до 89,6 % всего фонда, а в абсолютных размерах — с 15 214,4 до 17 190,4 тыс. дес. (на 13,0 %) [23]. П.Г. Чернопицкий рассчитал количество земли, перешедшей во владение крестьян-горцев (1145,4 тыс. дес.) [24]. Распределение бывших частновладельческих земель было весьма неравномерным, что зависело от площади и степени плодородия угодий, от особенностей политики местных органов управления. Так, в Донской области казаки и крестьяне получили 37,6 % площади распределенных участков; в Кубано-Черноморской области — 67,9 %; в Терской губернии — 56,7 % [25].

В итоге политики 1920–1922 гг. было уничтожено землевладение помещиков, офицерства и церкви, эмигрантов. По мнению первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева, 50 % безземельных крестьян обзавелись наделами [26]. Но это был только первый шаг на пути к бессловному уравнительному землепользованию. К началу 1923 г. средний надел едока составлял в Донской области 3,74 дес. у казаков и 1,0 — у крестьян; в Кубано-Черноморье — 3,25 и 1,19 дес.; в Терской губернии — 7,39 и 4,36 дес. [27]. Беднейшие семьи не имели инвентаря и скота, вынуждены были по-прежнему арендовать орудия труда и прибегать к сезонным неземледельческим промыслам. Поэтому уравнительный переворот в землепользовании был возможен только за счет трудовых наделов казачества, что политически было невозможным до укрепления партийно-государственной власти.

Возрождение сельского хозяйства осложнялось запутанным порядком землепользования, неурегулированностью отношений между коренными жителями и переселенцами. Земельный кодекс РСФСР, сменивший многочисленные декреты 1917–1922 гг., подтвердил принцип уравнительного распределения земли, но разрешил свободу форм землепользования, включая аренду. В историографии утвердилась безоговорочно положительная оценка землеустройства 1920-х гг. [28]. Бесспорно, агрономические усовершенствования, ликвидация дальнеземелья и разрозненности участков, выделение хуторов и отрубов принесли большую пользу, повысили культуру хозяйствования. Но идея уравнительного землепользования несбыточна. Она была позаимствована большевиками у эсеров. Достаточно вспомнить призывы В.М. Чернова в 1917 г. к переделу якобы необъятных излишков земли казачества между крестьянами [29]. Новый передел не мог не обострить классовую и сословную вражду.

В 1923–1924 гг. земельная реформа велась за счет населения и по его заявкам, в основном на землях трудового пользования. Преобладало межселенное устройство (80,2 % размежеванных площадей за 1922 г. и 81,0 % – за 1923 г.) [30], при котором интересы казачества еще не ущемлялись. Однако в 1924 г. внутриселенное устройство достигло уже 31,1 % по краю, в том числе 34 % в казачьих областях [31]. Многодворная община разделялась на поселки равных размеров (выселки) и части селений, что дало 65 % объема распределенных земель. К широкополосице и улучшенным севооборотам перешли на 19 % площади. Выход на хутора и отруба составил лишь 5,6 % внутриселенных работ [32]. Дробление многодворной общины не только улучшало хозяйственные возможности крестьян, но и облегчало политический контроль государства над ней, готовило почву кооперирования.

К началу 1925 г. была в основном решена проблема безземелья крестьян в казачьих областях. На Дону бывшие иногородние увеличили фонд пользования до 900 тыс. дес. (почти в 2,5 раза); коренные крестьяне — до 1023 дес. (в 2 раза) [33]. На Кубани иногородние получили 645 тыс. дес. Удельный вес посевов крестьян возрос за 1920–1925 гг. с 17,5 до 30,6 % площадей [34]. Земельная реформа проводилась в интересах беднейших слоев. Бедняцкие семьи составили 42,3 % землеустроенных и получили 51,1 % перераспределенных площадей; середняки – соответственно 41,9 и 40,3%; зажиточные – 15,8 и 8,6 % [35].

Земельный вопрос к началу 1925 г. был далек от решения. Межселенное устройство охватило 45 % площадей трудового пользования, внутриселенное – 10–12 % [36]. По данным крайстатбюро, 69,5 % хозяйств и 58,3 % сельского населения не могли оплатить услуги землеустроителей и нуждались в государственной оплате, что до 1925 г. было невозможно [37]. Согласимся с мнением И.В. Устиновского, что поравне-

ние земель охватило лишь 1/7 запланированной территории, что создало основу социальных и политических конфликтов на Юге России [38].

Апрельский Пленум ЦК (1925 г.) разрешил сдачу земли в долгосрочную аренду на 12 лет и выделение хозяйств из общины на хутора, облегчил условия найма рабочей силы. Жестко ограничивалась государственная поддержка колхозов и совхозов, большинство из которых жило в кредит [39]. Эти меры стали пределом уступок хлеборобам, допущенных в 1920-е гг.

Удельный вес хозяйств края, арендовавших землю, вырос за 1925–1927 гг. с 8,4 до 18,4 %, а имеющих посевы на арендованной земле – с 5,7 до 12,7 %. Стало больше семей, постоянно нанимавших рабочую силу (прирост с 3,5 до 3,9 %). Основной силой станиц стали середняцкие хозяйства, составившие 70 % арендаторов земли и работодателей [40].

Одним из важнейших и долгосрочных факторов разжигания политических конфликтов стало землеустройство. В отчете крайкома ВКП(б), направленном в ЦК в октябре 1927 г., отмечалось: «Кампания по землеустройству на протяжении последних трех лет представляла основное содержание хозяйственной работы нашей организации в деревне» [41]. Основной задачей был уравнительный (по едокам) передел земель за счет паевых участков казачества в пользу беднейших крестьян. Поощрялся перевод хозяйства «на новые формы землепользования и севооборота, обеспечивающие его экономический рост и способствующие переходу к обществу» [42]. На первом этапе, до 1926 г., преобладало межселенное землеустройство, позволившее ослабить удаленность наделов от станиц, раздробить крупную общину на отруба и выселки, сократить количество разрозненных наделов. Данный этап носил прогрессивный характер и не ущемлял интересы казаков и коренных крестьян-старожи-

лов. К 1 октября 1927 г. крупные общины края были раздроблены на 48,6 % своей площади, но преобладающей формой землепользования оставалась общинная (97,1 %). 0,9 % земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2 % – кооперативным объединениям [43].

В историографии продолжает господствовать мнение, согласно которому земельная реформа уничтожала основу сословной розни и готовила предпосылки коллективизации, была полезной для сельского хозяйства [44]. Конечно, казачья войсковая собственность на землю была причиной конфликтов. Но следует отметить неприемлемые способы земельного передела, которые порождали неприятие большинства казачества. В борьбе за равенство не учитывалось, что источники доходов казаков были законными и трудовыми по критериям советского законодательства. Согласно выборочным гнездовым обследованиям, в 1927 г. 73–75 % казаков считались середняками, 10–12 % – батраками и бедняками, 10–12 % – зажиточными [45]. Среди иногородних пропорции качественно иные: соответственно 55; 39,9 и 6,1 % [46]. К началу 1926 г. на территории Кубанского, Армавирского, Майкопского, Черноморского, Терского и Сунженского округов только 16 420 казачьих хозяйств использовали наемный труд [47].

Землеустройство второй половины 1920-х гг. в казачьих округах (этап внутриселенного передела) нельзя рассматривать изолированно от подготовки коллективизации, от утопических надежд на равенство. За 1926–1927 гг. внутриселенное землеустройство было завершено на 41,6 % всей площади земель трудового пользования в крае, т.е. на 96,4 % подлежащих переделу участков [48]. Средний надел казачьей семьи в крае сократился с 30–49 га (1917 г.) до 13–16 га (1928 г.) и сравнялся с крестьянским наделом [49]. Изъятые земли были уравнительно (по едокам) переданы

470,5 тыс. семей крестьян и беднейшей части казаков, в том числе 19 376 семей, переселившихся за 1923–1927 гг. [50].

И.В. Устиновский обобщил сведения, которые позволяют судить о территориальных и социальных итогах землеустройства. На Дону выиграли от реформы казаки 1-го и 2-го Донских, Усть-Медведицкого и Донецкого, Хоперского округов. Землепользование казаков Черкасского, Ростовского и Сальского округов сократилось. В Кубанском округе средняя норма душевого надела за 1917–1927 гг. не изменилась (2,3 дес.), выиграли от реформы 74,5 % сельского населения за счет многопайных кулацких (казачьих и крестьянских) хозяйств [51]. Но экономика не стала от этого процветающей. Так, в Кубанском округе 58,6 % получивших землю бедняцких семей не имели скота, 74,2% — инвентаря и были вынуждены арендовать их по высокой цене [52]. С учетом аренды земля перераспределялась по степени богатства, становилась объектом нелегальной купли-продажи и залога. В 1927 г. 5 % самых зажиточных хозяйств края (с посевом свыше 16 дес.) владели 49,1 % сенокосилок, 56,7 % сеялок, 66,7 % молотилок, от 3 до 4,5 голов рабочего скота [53].

Следовательно, уравнительный передел земли подталкивал власть и иногородних бедняков к конфискации основных средств производства у зажиточных хозяйств, а задача достижения равенства оставалась несбыточной в рамках НЭПа.

Итак, землепользование донских, кубанских и терских казаков в 1920–1927 гг. сочетало противоречивые черты: сохранение трудовых земельных наделов и общинного землепользования наряду с принудительным изъятием органами власти «земельных излишков» и началом уравнительного землеустройства. Учитывая нерентабельность колхозов и совхозов в 1920-х гг., органы власти, по сути, усиливали землепользование иногородних индивидуальных хозяйств за счет зажиточных слоев казачества. Внеэкономический, силовой выход

из этих противоречий был найден позже, в ходе коллективизации, когда упраздняется земельная община и производится ускоренное создание коллективных хозяйств.

Примечания

1. *Устиновский И.В.* Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917 — 1927 г.). Ростов н/Д., 1989.
2. *Верхотуров Ю.И.* Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990.
3. *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997.
4. *Кислицын С.А.* Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. Ростов н/Д., 1996.
5. *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999; *Его же.* Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар, 2019; *Его же.* Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 114–123.
6. *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.

7. *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010.
8. *Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А.* Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.
9. *Касьянов В.В., Басте Р.Ю., Яхутль Ю.А.* Аграрная политика советской власти на Кубани (1921–1929 гг.). Краснодар, 2019; *Яхутль Ю.А.* Нэп и крестьянско-казачье хозяйство советской России (на материалах Дона и Кубани). Краснодар, 2020.
10. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998; *Зуйкина Е.А.* «В наших специфических условиях» // Родина. 1994. № 3–4. С. 135–140.
11. *Макаренко М.Ю.* Юг России накануне и в процессе демографической модернизации (1897–1926 гг.). Краснодар, 2010; *Ракачѳв В.Н.* Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017.
12. *Истягин В.Р.* Реализация государственной переселенческой политики в период коллективизации (на материалах Дона и Северного Кавказа). Ростов н/Д., 2016.
13. *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов н/Д., 1977. С. 6.
14. Производственный план по сельскому хозяйству Юго-Востока России на 1923–1924 г. // Юго-Восток. Ростов н/Д., 1924. № 1–2. С. 51.
15. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д., 1940. С. 143; Отчет начальника Кубанской области за 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 25.
16. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 27, 47.
17. *Гозулов А.И.* Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1927. С. 30.

18. Деятельность ЦК партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 155–164; Постановления и резолюции Первого Всероссийского съезда трудового казачества. М., 1920; Собрание узаконений (далее — СУ РСФСР). 1920. № 91. Ст. 483; 1921. № 24. Ст. 117.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 162–163; Д. 5. Л. 59, 131–139, 155–156.
20. *Чернопицкий П.Г.* Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987. С. 22–30; *Устиновский И.В.* Указ. соч. С. 65–69.
21. СУ РСФСР. 1920. № 91. Ст. 483.
22. *Черный В.Ф.* Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 160; *Арнаутов В.К.* К восстановлению сельского хозяйства Юго-Востока // Юго-Восток. Ростов н/Д., 1922. № 2. С. 47. Подсчеты для русских областей края без автономных областей.
23. *Арнаутов В.К.* Указ. соч.
24. Экономическое районирование Юго-Востока России. Ростов н/Д., 1923. Вып. 1. С. 118, 37; *Чернопицкий П.Г.* Указ. соч. С. 28.
25. Там же.
26. *Андреев А.А.* Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1929. С. 11.
27. *Одинцов С.С.* Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Ростов н/Д., 1927. № 11. С. 11.
28. *Щетнёв В.Е.* Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Науч. тр. Кубан. гос. ун-та. Краснодар, 1974. Вып. 187. С. 64–79; *Чернопицкий П.Г.* Указ. соч.; *Устиновский И.В.* Указ. соч.

29. Чернов В. М. Конструктивный социализм. Прага, 1925. Т. 1. С. 131, 282.
30. Перспективный план восстановления и развития сельского и лесного хозяйства Северокавказского края. 1925–1929 гг. Ростов н/Д., 1925. Т. 1. С. 429.
31. Там же; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481. Л. 314, 316.
32. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 23. Л. 147.
33. Молот. 1925. 8 янв.
34. Чёрный В. Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 172.
35. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481. Л. 318.
36. Центр документации новейшей истории Ростовской области далее — (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 124, 125, 130, 131.
37. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 482. Л. 9; Д. 639. Л. 132.
38. Устиновский И. В. Указ. соч. С. 89.
39. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М., 1984. Т. 3. С. 341–348.
40. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1930. С. 622–623, 616–617; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 465. Л. 7.
41. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее — ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 15. Л. 35; Барышев Н. И. Социалистическое строительство в деревне // На аграрном фронте. 1928. № 4. С. 6–7.
42. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 169. Л. 34.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 6.

44. Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд., доп. Краснодар, 1993; Казачество в истории России: тез. докл. Междунар. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 121–124.
45. Красное знамя. Краснодар, 1927. 18 ноября; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973. С. 58–59.
46. Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 58–59; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. М., 1929. С. 24–27. Расчет А.В. Баранова по процентным соотношениям.
47. Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928. С. 34–71.
48. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1930. С. 290.
49. Андреев А.А. По пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ростов н/Д., 1928. С. 71.
50. Богданов П.А. Десять лет Советской власти на Северном Кавказе и наши ближайшие задачи // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. Ростов н/Д., 1927. № 11. С. 3; Одинцов С.С. Указ. соч. С. 11; Сельское хозяйство Северо-Кавказского края и работа земельных органов. Ростов н/Д., 1927. С. 15–16.
51. Цит. по: Устиновский И.В. Указ. соч. С. 104–106.
52. Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. Краснодар, 1928. С. 16–17.
53. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 33.

Научное издание

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
КАЗАЧЬЕЙ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ
НОВЫХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ**

Материалы круглого стола

г. Ростов-на-Дону, 22 октября 2021 г.

Корректор *С.А. Шестак*

Оригинал-макет

и дизайн обложки *Я.Ю. Яковлева*

Издательство ЮНЦ РАН

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Тел. (863) 250-98-21

Подписано в печать 12.12.2022

Бумага офсетная.

Формат 60×84 1/16. Тираж 300 экз.

Усл. п. л. 7,44. Заказ № _____

Подготовлено и отпечатано DSMGroup
(ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081).
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-26-38,
e-mail: dsmgroup@mail.ru